

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ бюллетень

Научно-исследовательского экономического института
Министерства экономики Республики Беларусь

Основан в 1997 г.

Издается ежемесячно

№ 9 (315) сентябрь 2023

Главный редактор

Я.М. Александрович

Редакционный совет:

**А.В. Червяков – зам. гл. редактора, Н.В. Радченко – отв. секретарь,
Н.Г. Берченко, Л.С. Боровик, Г.И. Гануш, В.Г. Гусаков,
А.М. Заборовский, М.К. Кравцов, Ю.А. Медведева, С.Ф. Миксюк,
Л.Н. Нехорошева, П.Г. Никитенко, В.В. Пинигин, В.В. Пузиков,
К.В. Рудый, В.С. Фатеев, Г.А. Хацкевич,
К.К. Шебеко, В.Ю. Шутилин, А.Г. Шумилин**

Международный совет:

**В. Маевский (Россия), В. Видяпин (Россия),
М. Кламут (Польша), В. Коседовский (Польша), С. Станайтис (Литва),
В. Меньшиков (Латвия), Ф. Вельтер (Германия)**

Экономический бюллетень включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований.

Мнение авторов статей не обязательно совпадает с позицией редколлегии.

При перепечатке ссылка на Экономический бюллетень обязательна.

Публикуемые материалы рецензируются.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СТРАН ЕАЭС

Некипелов А.Д. Экономическая политика России в современных условиях	4
--	---

БЮДЖЕТ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА

Жук И.Н. Особенности формирования и распределения средств бюджета Союзного государства	14
---	----

СТРУКТУРНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИКИ

Козловская М.В. Особенности структурной трансформации экономики Республики Беларусь	22
---	----

ДЕЛОВЫЕ УСЛУГИ: ПРИНЦИПЫ РАЗВИТИЯ

Шаграй П.С. Принципы развития деловых услуг в Республике Беларусь	35
--	----

ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКИЕ УСЛУГИ

Ващило А.А., Туровец А.М. Региональный аспект развития транспортно-логистических услуг КНР – Беларусь – Европа	42
---	----

Резюме	50
---------------------	----

Summary	51
----------------------	----

EAЭC THE EAEU COUNTRIES ECONOMIC POLICY

A. Nekipelov. Russian economic policy in modern conditions	4
---	---

UNION STATE BUDGET

I. Zhuk. Features of Union State budgeting and distribution of budget funds	14
--	----

STRUCTURAL ECONOMY TRANSFORMATION

M. Kazlouskaya. Structural economy transformation features in the Republic of Belarus	22
--	----

BUSINESS SERVICES: DEVELOPMENT PRINCIPLES

P. Shahrai. Principles for business services development in the Republic of Belarus	35
--	----

TRANSPORT AND LOGISTICS SERVICES

H. Vashchyla, A. Turavets. Regional aspect of transport and logistics services development China - Belarus - Europe	42
---	----

Summary in Russian	50
---------------------------------	----

Summary in English	51
---------------------------------	----

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ*

Некипелов А.Д.

В условиях высочайшего уровня интернационализации хозяйственной деятельности формирование подхода к экономической стратегии и политике любой страны не может осуществляться без учета процессов, происходящих в окружающем ее мире. Это тем более верно применительно к современной России, оказавшейся в центре бурных событий, сопровождающих изменения глобального характера в мировой экономике.

Насущные преобразования в этой сфере продиктованы ярко выжившимися ограничениями прежней экономической модели: все более очевидным исчерпанием природных ресурсов, играющих ключевую роль в хозяйственном развитии, деградацией окружающей среды и климатическими изменениями, связанными с производственной деятельностью человека. Большой комплекс проблем накопился и в социальной сфере.

На ход происходящих на глобальном уровне трансформационных процессов огромное влияние уже сейчас оказывают возможности перевода экономики на новую технологическую основу, связанные с четвертой промышленной революцией. Позволяя в долгосрочной перспективе дать ответ на многие вызовы, с которыми столкнулось человечество, сама эта революция сопровождается целым кругом проблем, носящих системный характер. Наиболее отдаленные последствия предстоящих преобразований трудно в полной мере оценить, но, похоже, что «на кону» оказывается сама судьба рыночной экономики: человек вытесняется из сферы производства и управления им в творческие виды деятельности, которые являются областью хорошо известных «провалов

рынка». Но поначалу технологические изменения четвертой промышленной революции не ставят под сомнение саму рыночную систему; они диктуют необходимость лишь ее известной «переконфигурации», сопровождающейся как более или менее значительной реаллокацией ресурсов в экономике, так и определенными институциональными преобразованиями.

Проявляющееся уже сегодня замещение человека роботами в процессе производства и искусственным интеллектом в процессе управления технологическими процессами превращают структурную безработицу в серьезнейший вызов, актуальность которого в обозримом периоде будет, по всей видимости, только усиливаться.

Для иллюстрации масштаба и роли подвижек, происходящих в институциональной области, сошлюсь на изменения в финансовой сфере. Достижения в информационных технологиях вывели этот сектор экономики на принципиально новый уровень: инвесторы получили немислимые прежде возможности формирования портфелей активов, отвечающих желаемому соотношению риска и доходности. Возникло представление, что в новых условиях финансо-

ОБ АВТОРЕ

НЕКИПЕЛОВ**Александр Дмитриевич**

(mail@mse-msu.ru),
vice-президент ВЭО России,
директор Московской школы
экономики МГУ им. М.В. Ломоносова,
академик РАН, д.э.н.,
профессор
(г. Москва, Россия).

Сфера научных интересов:
трансформация мирового хозяйства;
стратегии развития экономики;
финансовая, денежно-кредитная,
промышленная политика.

* Научные труды ВЭО России. 2021. Москва. Т.230. С. 76–89 (перепечатано с небольшими редакционными уточнениями).

вые рынки в состоянии сами обеспечить идеальное распределение ресурсов, а потому и не нуждаются более в регулировании. Последовавшая вслед за этим фактически полная либерализация этой сферы дала толчок не только беспрецедентному повышению роли финансового капитала в современной экономике, но и содействовала кардинальным сдвигам в международном разделении труда. Из ряда высокоразвитых стран были в значительной степени выведены виды деятельности, относящиеся к реальному сектору экономики. Переход к модели сервисной экономики стал рассматриваться как свидетельство выхода на новый, более высокий уровень развития.

Однако жизнь внесла свои коррективы в эти расчеты. Идиллические представления о способности «освобожденных от оков» финансовых рынков совершенным образом обеспечивать трансформацию мировых сбережений в мировые инвестиции очень быстро столкнулись с суровой реальностью: подлинным результатом либерализации в этой сфере стало приобретение финансовыми кризисами особой роли в механизме воспроизводства мировой экономики.

Знаковым событием стал мировой финансово-экономический кризис 2007–2009 гг. Он не только поставил саму финансовую индустрию в тяжелейшее положение и привел к признанию необходимости возврата к ее регулированию (прежде всего в форме пруденциального надзора), но и потребовал кардинальной переоценки со стороны ряда стран своего места в международном разделении труда.

Необычным в этой ситуации стало то, что недовольными оказались прежде всего развитые страны, ставшие жертвами ставки на превращение своих экономик в сервисные. Обозначилась линия на возврат этими странами высокотехнологичных производств, реализовать которую в сугубо либеральном режиме было невозможно. Результат – кризис сложившейся модели мировой экономики, очевидный откат в процессе (либеральной) глобализации, обострение противоречий в интересах отдельных государств и их групп. Отсюда же происходят и попытки использовать сохраняющуюся мощь (не только экономическую) для

ограничения возможностей конкурентов, в том числе при помощи санкций¹.

Все это свидетельствует о том, что мировая экономика вступила в период высокой турбулентности. По всей видимости, он займет весьма длительное время, в ходе которого будет вестись поиск отвечающих новым условиям правил игры на международном экономическом пространстве. В ходе такого поиска предстоит во многом заново определить место, которое будут занимать в регулировании трансграничных потоков товаров, услуг и капитала свободная игра рыночных сил, а также различные формы национального, меж- и наднационального регулирования, выстроить соответствующим образом систему международных экономических институтов.

В условиях высокого уровня неопределенности особое значение приобретает формирование долгосрочного видения развития страны. Инструментом решения этой задачи является, как известно, стратегическое планирование. Именно оно призвано определить такую траекторию развития, которая позволит обществу добиться на соответствующем временном отрезке максимума возможного при существующих ограничениях – ресурсных, экологических, политических. В теоретическом отношении главная сложность состоит в определении критерия, при помощи которого могут оцениваться (ранжироваться) возможные (при заданных на исходный момент времени ресурсных ограничениях) траектории развития экономики. Скорее всего, эта проблема, возникающая при принятии решений любой группой (в том числе социумом), на теоретическом уровне вообще не может быть однозначно разрешена (Некипелов, 2017).

На практике же в таких случаях принимаются решения, которые экономическая теория относит к категории *second best* («вторые по качеству»). В данном случае приемлемым приближением к идеальным («*first best*») общественным предпочтениям можно рассматривать систему

¹ В новых условиях наметились существенные изменения не только в протекании реальных экономических процессов, но и в экономической политике и теории. Одним из важных – но не единственных – проявлений серьезных теоретических подвижек стала получившая в развитых странах широкое распространение политика количественного смягчения.

преференций, на которую опирается субъект планирования при условии, что вытекающие из них практические выводы находят в целом (именно «в целом», а не у каждого члена общества, иначе проблема была бы практически неразрешимой) позитивный отклик у населения страны. Такой подход аналогичен применяемому в эконометрике экспертно-статистическому методу построения неизвестной целевой функции, предложенному в работе (Айвазян, 1974. С. 56–86)².

Полагаю, что при формировании такой искусственной системы предпочтений и базирующейся на ней функции социальной полезности необходимо принимать во внимание ряд констант, устойчиво характеризующих преобладающие общественные настроения, которые в силу этого должны найти отражение в стратегии социально-экономического развития России. Речь, в частности, идет о необходимости:

- поддержания мощной образовательной и научной базы (при этом особую роль играет наличие комплексного потенциала фундаментальной науки);
- построения высокотехнологичной экономики, эффективно использующей имеющиеся возможности (в том числе – ресурсные) и способной обеспечивать безопасность нашего государства во всех ее проявлениях;
- обеспечения социальной консолидации (предполагает реализацию принципа социальной справедливости в соответствии с его пониманием российским населением, в том числе социально комфортную дифференциацию доходов как между отдельными людьми, так и регионами).

² В известном учебнике по эконометрике С.А. Айвазян так характеризует этот метод: «...отправляясь в своем анализе от набора частных показателей $x^{(1)}, x^{(2)}, \dots, x^{(p)}$, каждый из которых может быть измерен и характеризует какую-нибудь одну частную сторону понятия «эффективность», мы их как бы взвешиваем (внутренне оцениваем удельный вес их влияния на общее, агрегированное, понятие эффективности) и выходим на некоторый скалярный агрегированный показатель эффективности y . Этот показатель – латентный (скрытый), так как он принципиально не поддается непосредственному измерению (не существует или нам неизвестна объективная шкала, в которой он мог быть измерен)... Главная особенность (и трудность) описываемой ситуации заключается в том, что при получении (сборе) исходной статистической информации... значения результирующего показателя y могут быть получены только с помощью специально организованного экспертного опроса...» (Айвазян, 2010. С. 47–48).

Трудности теоретического характера не ограничиваются для субъекта стратегического планирования конструированием функции социальной полезности, более или менее отвечающей общественным настроениям. В условиях рыночной экономики основная часть материальных ресурсов принадлежит частным лицам, которыми государство как орган, представляющий общество в целом, не может бесконтрольно распоряжаться. Поэтому перед ним возникают непростые задачи институционального характера, решение которых позволило бы максимально приблизить экономику к общественному оптимуму (пусть и в том условном виде, как он был определен выше). Речь идет как о сосредоточении у государства при помощи фискальной политики необходимых средств, так и об отладке инструментов экономической политики, призванных направить действия частного сектора в желаемом направлении.

В практическом отношении в нынешней турбулентной обстановке при формировании стратегии социально-экономического развития чрезвычайно важно определиться по двум вопросам и сделать это нужно не на основе идеологических догм, а с опорой на беспристрастный анализ реального положения дел.

Первый из них связан с оценкой роли внутренних и внешних факторов на современном этапе. Как представляется, нынешняя ситуация в мире требует, чтобы в наших решениях мы опирались не на абстрактные рассуждения о вреде автаркии и пользе глобализации, а на учет тех ограничений, с которыми сегодня приходится иметь дело нашему государству. Не отказываясь от развития отношений ни с одной из стран, мы не можем упускать из виду то, что хозяйственные связи с разными государствами характеризуются разной степенью предсказуемости, они в очень различной мере подвержены влиянию геополитических факторов. Из этого, как представляется, вытекает неизбежность смещения центра тяжести в целом в пользу внутренних факторов развития, а в рамках международного сотрудничества – в сторону стран, избегающих политизации экономических отношений (в частности, стран ШОС и БРИКС). Особое значение в нынеш-

них условиях приобретает придание дополнительного импульса интеграции в рамках ЕАЭС.

Второй вопрос относится к категории «вечных», но сегодня он, как мне кажется, приобретает особую актуальность. Речь идет о роли, которую должно играть в нынешних условиях государство в нашей экономике. И в этом вопросе принципиально важно опираться не на абстрактные рассуждения, а на беспристрастную оценку предельных социальных выгод и издержек, связанных с экономической деятельностью государства. Убежден, что масштаб задач, которые предстоит решать нашей стране, предопределяет необходимость активного участия государства в хозяйственной деятельности.

Экономическая политика является инструментом реализации стратегического замысла. С учетом сформулированных выше соображений важными представляются значительные подвижки в основных блоках проводимой в России экономической политики. Отмечу, что с предложениями такого рода мне доводилось неоднократно выступать и раньше, в том числе на МАЭФ-2020 (Некипелов, 2020. С. 37–46). Между тем изменения непрерывно происходят в самой экономике, что заставляет возвращаться к старым проблемам под новым углом зрения. Да и в научном сообществе дискуссия по ключевым вопросам социально-экономической политики никогда не прекращается, что заставляет участвующие в ней стороны искать все новые и новые аргументы.

Применительно к **финансовой политике** необходимо определиться в отношении того, что является первичным при ее формировании: макро- или микроэкономические соображения. Сегодня дело обстоит таким образом, что власть отталкивается от представляющегося ей приемлемым общего объема государственных расходов, а затем переходит к решению вопросов, связанных с его распределением между различными направлениями использования. При этом упомянутый объем расходов по мировым меркам является небольшим (немногим более 30% ВВП).

Представляется, что в нынешних условиях было бы правильно вернуться к вопросу о необходимом с точки зрения стоящих перед страной задач уровне государственных расходов. При его

определении следовало бы исходить из оценки потребности в реаллокации ресурсов вообще (и между видами деятельности, и между территориями) для реализации стратегических установок в промышленной, пространственной и социальной политике и той роли, которую должно сыграть в этом процессе государство. Конечно, действовать здесь следует весьма осмотрительно и с учетом возможностей, которые предоставляют меры по оптимизации системы налогообложения – в частности, по перераспределению налогового бремени между производством и бытовым потреблением, а также изъятию рентных платежей за пользование природными ресурсами.

Мне уже приходилось обращать внимание на особенность российской макроэкономической политики: ее финансовая составляющая у нас используется не только для выполнения классических функций (мобилизация ресурсов для финансирования государственных расходов), но и как инструмент влияния на монетарную сферу (Некипелов, 2020. С. 40–41). С этим обстоятельством связаны некоторые важные особенности как финансовой, так и **денежно-кредитной политики**.

Как известно, в рамках денежно-кредитной политики можно таргетировать только один показатель. Иначе говоря, если денежные власти ставят задачу выйти на определенный уровень денежного предложения, то под него автоматически подстраиваются величины процентной ставки, валютного курса и уровень инфляции. Точно так же таргетирование процентной ставки предопределяет значения денежного предложения, инфляции и валютного курса, а таргетирование валютного курса – величины денежного предложения, инфляции и процентной ставки. Иными словами, таргетирование разных показателей может приводить к одним и тем же результатам, и выбор конкретной цели, на которую ориентируется центральный банк, определяется, с одной стороны, значением, которое в данный период придается тому или иному показателю³, а с другой – модой.

³ Например, до осени 2014 г. в России фактическим объектом таргетирования являлся валютный курс рубля: Центральный банк посредством интервенций на валютном рынке обеспечивал его нахождение в установленном интервале.

С осени 2014 г. Центральный банк РФ заявил о переходе к использованию ключевой процентной ставки как средства инфляционного таргетирования⁴. Это означает, что опытным путем он стремится нащупать величину процентной ставки, при которой инфляция устанавливается на желаемом уровне. Одновременно ЦБ ввел режим свободного плавания рубля, что, вообще говоря, равносильно отказу от валютных интервенций. Ранее, по сути дела, полностью было либерализовано транснациональное движение капитала, в том числе краткосрочного.

Зададимся вопросом: к какому развитию событий привели бы эти решения, если бы финансовая политика российского правительства проводилась в классическом для рыночной экономики ключе?

Если бы процентная ставка (с поправкой на страновой риск⁵) соответствовала общемировой, то сальдо движения капиталов и сальдо текущих статей платежного баланса оказа-

лись бы равными нулю, а величина валютного курса рубля соответствовала бы паритету его покупательной способности. Если же, как это и было в действительности, процентная ставка (с той же поправкой на риск) превышала «общемировую», то по всем законам рыночной экономики должен был бы наблюдаться приток иностранного капитала в страну и как следствие – повышение обменного курса рубля. Последнее содействовало бы, при прежнем спросе на валюту в России, появлению эквивалентного по величине отрицательного сальдо по текущим статьям платежного баланса.

О фактическом развитии событий в России в 2014–2020 гг. можно судить по данным табл. 1.

Данные табл. 1 свидетельствуют о том, что задача снижения уровня инфляции была в целом решена за счет поддержания в течение длительного времени очень высокого уровня процентной ставки. Но заслуживает внимания следующий факт: в течение всего этого периода, казалось бы, в противоположность рыночной логике рубль оставался существенно недооцененным по отношению к паритету его покупательной способности, а счет текущих платежей характеризовался крупным активом.

Динамика основных монетарных показателей в России в 2014–2020 гг.

Таблица 1

	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Ключевая процентная ставка (на начало года), %	5,50	17,00	11,00	10,00	7,75	7,75	6,25
Номинальное денежное предложение (M2), трлн руб.	31,156	31,618	35,180	38,418	42,443	47,109	51,660
Инфляция (декабрь к декабрю предыдущего года), %	111,35	112,91	105,39	102,51	104,26	103,04	104,91
Номинальный валютный курс (на начало года), руб./долл. США	32,6587	56,2376	75,9507	59,8961	57,0463	67,0795	61,9057
Рыночный курс рубля к паритету покупательной способности, %*	59,7	40,2	36,4	41,6
Сальдо текущих статей платежного баланса, млрд долл. США	57,5	67,8	24,5	32,2	115,7	64,8	33,9

* На основе результатов годовых международных сопоставлений, проводимых ОЭСР (Россия и страны мира, 2018. С. 93).

Источники:

URL: https://www.cbr.ru/hd_base/KeyRate/?UniDbQuery.Posted=True&UniDbQuery.From=01.01.2014&UniDbQuery.To=01.01.2021
https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/dkfs/;
<https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1NxlzlcwO/Индексы%20потребительских%20цен.htm>;
https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/;
https://www.cbr.ru/currency_base/dynamics/?UniDbQuery.Posted=True&UniDbQuery.so=1&UniDbQuery.mode=1&UniDbQuery.date_req1=&UniDbQuery.date_req2=&UniDbQuery.VAL_NM_RQ=R01235&UniDbQuery.From=01.01.2014&UniDbQuery.To=01.01.2021.

Такое положение дел стало возможным только благодаря определяющей роли в монетарной сфере Министерства финансов: оно (или Центральный банк по его поручению) скупало валюту **на свободном рынке** и направляло ее в Фонд национального благосостояния. Благодаря этому удавалось не допускать сколько-нибудь значимого повышения реального курса рубля и сохранять значительный актив платежного баланса по текущим операциям.

В некотором смысле совместными усилиями Центрального банка и Министерства финансов удалось решить, казалось бы, нерешаемую задачу: обеспечить таргетирование сразу двух монетарных показателей – инфляции и валютного курса. Правда, это «достижение» сопровождалось очень серьезными издержками.

Произошло фактическое перерождение Фонда национального благосостояния: из института развития и решения социальных вопросов он в значительной мере превратился в своеобразный филиал Центрального банка в Министерстве финансов, основной функцией которого стало поддержание на заниженном уровне курса российского рубля. При этом для наполнения Фонда в «тучные годы» в него направлялась часть налоговых поступлений, а в годы низких мировых цен на нефть и другие энергоносители – даже привлекаемые государством средства с внутреннего и внешнего рынка займов.

В этих условиях оказалась невозможной и опора на международные резервы страны как своеобразную «подушку безопасности»: а ведь ссылка именно на эту их функцию использовалась для оправдания накопления огромных средств в период, когда страна испытывала острую нехватку ресурсов для модернизации экономики. Ярким подтверждением этого тезиса

являются данные о динамике средств Фонда общественного благосостояния в период пандемии (табл. 2).

Неиспользование значительных средств, омертвленных в избыточных резервах, разумеется, ограничивало возможности экономического роста, модернизации российской экономики. Этот негативный эффект усугублялся тем, что поддерживавшаяся в течение длительного времени крайне высокая процентная ставка фактически блокировала инвестиционную активность. Экономические агенты начали накапливать средства на депозитных счетах в коммерческих банках, поскольку это оказывалось выгоднее вложений в развитие собственного бизнеса. Возникшее понижательное давление на процентную ставку подталкивало Банк России к созданию инструментов для поглощения «избыточной ликвидности», формировавшейся у коммерческих банков (депозитные счета для коммерческих банков в Центральном банке, облигации Центрального банка). В свою очередь режим плавающего курса рубля в условиях полной либерализации трансграничного перемещения капитала и слабости российской финансовой системы создавал весьма турбулентную обстановку на валютном рынке. Это не могло не дезориентировать российские предприятия, связанные с внешним рынком, при принятии экономических решений.

Наконец, заниженный курс рубля наносил очевидный ущерб и потребителям. В условиях высокой доли импортных товаров на потребительском рынке он неизбежно приводил к повышению общему уровню (не инфляции, а именно уровню!) розничных цен.

С учетом сказанного отнюдь не выглядит случайным тот факт, что экономика страны погрузилась в продолжительную стагнацию (Аганбян, 2020). Возникает вопрос: чем же при нали-

Таблица 2

Динамика средств Фонда национального благосостояния в период в 2019–2021 гг.

	Декабрь 2019	Декабрь 2020	Март 2021
Величина на конец периода, млрд руб.	7773,06	13545,66	13802,12
В процентах к ВВП	7,3	11,7	11,9

Источник: <https://minfin.gov.ru/ru/statistics/fonds/>.

чии таких серьезных издержек можно объяснить приверженность Правительства и Центрального банка к описанному варианту макроэкономической политики?

Конечно, для Минфина политика, сопровождающаяся наличием у него крупных свободных денежных средств, весьма комфортна: хотя эти резервы и не предназначены для «проедания», ими все же легко воспользоваться в случае «крайней необходимости». Альтернативные же издержки, связанные с этим «удобством», ложатся на страну в целом, а не на финансовые власти.

Однако вряд ли было бы разумным считать это объяснение основным. Главным для властей, судя по всему, было то, что поддержание заниженного курса рубля не только обеспечивает высокую эффективность экспорта, прежде всего товаров топливно-сырьевой группы, но и защищает от конкуренции производства, ориентированные на внутренний рынок. Можно предположить, что применяемый в России вариант макроэкономической политики рассматривался (и пока продолжает рассматриваться) как действенный рецепт борьбы с «голландской болезнью» (Некипелов, 2015).

Следует иметь в виду, что изложенный подход к макроэкономической политике носит целостный характер, и попытки усовершенствовать его за счет внесения изменений (пусть и значительных) в отдельные элементы вряд ли дадут ожидаемый результат. Это относится, в частности, к попытке решить чуть ли не все стоящие перед нами вопросы за счет нового механизма денежной эмиссии, увязанного с финансированием инициированных государством долгосрочных инвестиционных проектов (Агангбьян, 2018; Глазьев, 2018; Ершов, 2017; Маевский, Малков, Рубинштейн, 2021). В обоснование этого предложения нередко делается ссылка на то, что в таких странах, как США, основным инструментом увеличения денежного предложения являются операции на открытом рынке, в ходе которых Федеральная резервная система приобретает долгосрочные облигации американского казначейства. При этом не принимается во внимание тот факт, что до покупки денежными властями облигации должны были быть размещены на финансовом рынке; в противном

случае – при прямой покупке облигаций казначейства банком ФРС – речь бы шла не об операциях на открытом рынке, а о простом печатании денег. Кроме того, не учитывается, что форма эмиссии сама по себе не влияет на уровни инфляции, величины процентной ставки и валютного курса: деньги, выпущенные для реализации проекта, очень быстро разойдутся по всей экономике в результате выплаты заработной платы рабочим, оплаты заказов поставщикам. Между тем о допустимой величине эмиссии предлагаемым способом речь, как правило, не идет⁶.

Ключевым элементом проводимой макроэкономической политики является, как отмечалось выше, стремление обеспечить низкий уровень инфляции при заниженном курсе рубля. И решается эта задача не только за счет жесткой монетарной политики, но и благодаря активному участию финансовых властей в приобретении на валютном рынке иностранной валюты. Но отсюда следует, что в случае прекращения этой практики при прочих равных условиях неизбежно произошло бы столь значительное повышение курса рубля, что актив по текущим статьям платежного баланса сменился пассивом. Само по себе движение в этом направлении (не обязательно – в такой степени!) является вполне разумным: оно устранило бы замораживание новых ресурсов в резервах Министерства финансов, увеличило бы государственный спрос при прежней величине процентной ставки, действовало в сторону снижения общего уровня цен за счет уменьшающихся рублевых цен на импортные товары. Последнее обстоятельство имело бы положительный эффект не только для потребителей, но и для инвесторов, привлекающих иностранное оборудование и материалы в процессе реализации своих проектов.

⁶ Сказанное ни в коем случае не может рассматриваться как свидетельство негативного отношения к крупным государственным (государственно-частным) проектам. Речь о другом: тот факт, что подобные проекты являются важным инструментом государственной политики, направленной на модернизацию российской экономики, совсем не означает, что их финансирование целесообразно осуществлять посредством прямой покупки денежными властями выпущенных исполнительной властью специальных долговых инструментов. Кстати говоря, подобная практика была широко распространена в латиноамериканских странах еще в 70-е годы XX века и приводила, как правило, к неблагоприятным финансовым последствиям (McKinnon, 1991).

Но есть здесь и проблема, которую, по всей видимости, видят власти и которую ни в коем случае нельзя недооценивать. В краткосрочном плане такое развитие событий сопровождалось бы мощным структурным шоком, связанным с сокращением производства в добывающих отраслях и существенным повышением роли иностранной конкуренции в сферах отечественного производства, ориентированных на внутренний рынок. Разумное стремление дозировать этот шок требует внесения целого комплекса взаимосвязанных изменений в проводимую финансовую и денежно-кредитную политику, с одной стороны, и промышленную политику – с другой.

Прежде всего нужно отказаться от неуместно жестких в сложившихся условиях установок в области борьбы с инфляцией. Сегодня как никогда актуальным является поиск разумного компромисса между задачами стимулирования роста и обеспечением финансовой устойчивости экономики: ведь умеренная инфляция является своеобразной смазкой, уменьшающей «экономическое трение», возникающее в процессе структурного шока. В более общем плане давно пора признать, что нельзя ограничивать функции денежного регулятора достижением целевых показателей, относящихся исключительно к монетарной сфере.

С учетом этого необходимо разработать, а затем последовательно реализовывать график постепенного снижения ключевой ставки центрального банка до общемирового (с поправкой на риск) уровня. Такое снижение будет, естественно, сопровождаться сокращением чистого притока иностранной валюты в страну. Одновременно нужно отказаться от использования бюджетных средств для приобретения «про запас» валюты на рынке: в этом случае снижение процентной ставки будет вести не к снижению курса рубля, а к его приближению к паритету покупательной способности и исчезновению актива по текущим статьям платежного баланса. При этом денежное предложение будет расти, и этот рост лишь отчасти будет компенсироваться увеличением спроса на деньги; некоторое повышение инфляции поэтому является неизбежным. Точно так же неизбежным в силу повышения реального курса рубля станет и усиление конку-

ренции на российском товарном рынке. В предвидении такого развития событий власти должны быть готовы вводить в действие (на определенное время и по убывающему графику) механизмы поддержки российских производителей (тарифные и нетарифные).

Прекращение практики осуществления Минфином операций на валютном рынке (а также привлечения без очевидной необходимости иностранных кредитов) не означает, разумеется, что исполнительная власть должна вообще быть лишена возможности формирования резервов. В условиях неопределенности резервы являются весьма эффективным инструментом снижения рисков, тем более это верно применительно к столь сложной обстановке, в какой сегодня находится мировая экономика. Но вполне разумным представляется требование, чтобы соответствующие денежные средства были инвестированы в активы, деноминированные в рублях (включая депозиты в коммерческих банках). Кроме того, заслуживает серьезного внимания и вопрос о целесообразности расширения практики государственных товарных резервов. В частности, разумным, с учетом опыта США, было бы формирование государственных резервов нефти.

Очень важной задачей является предотвращение спекулятивных атак на валютном рынке. Это связано не только с относительной слабостью российской финансовой системы, но и с особенностями предлагаемых изменений в макроэкономической политике. Задаваемая этими изменениями тенденция к повышению реального курса рубля и росту стоимости российских активов (в связи со снижением процентной ставки) способна стать мощной приманкой для финансовых спекулянтов.

Решение этой задачи связано с двумя важными корректировками монетарной политики.

Прежде всего следует официально отказаться от свободного и перейти к режиму регулируемого плавания рубля (*dirty float*). Это значит, что Центральный банк должен располагать возможностью (и, разумеется, пользоваться ею без всяких колебаний) осуществлять интервенции, направленные на отражение спекулятивных атак на рубль. Такая мера существенно снизит степень неопределенности для экономических аген-

тов при принятии решений. Применительно к этому валютному режиму следует адаптировать и величину валютных резервов.

Одновременно представляется важным введение экономических мер (типа налога Тобина), нацеленных на снижение волатильности трансграничных потоков краткосрочного капитала. Помимо прочего эти меры содействовали бы и снижению величины валютных резервов, необходимых для обеспечения устойчивости обменного курса рубля.

Предложения об активном использовании инструмента валютных интервенций и валютных ограничений традиционно отвергаются российским денежным регулятором; при этом делаются ссылки и на нежелание сдавать позиции, завоеванные на пути построения либеральной экономики, и просто на «передовой зарубежный опыт». Между тем в этом отношении даже в позиции МВФ начали происходить очень серьезные изменения. Свидетельством этого является доклад «Либерализация и управление капиталными потоками: институциональная точка зрения», подготовленный в рамках этой организации. В докладе ставится вопрос о необходимости проведения «целостной политики», предполагающей не только допустимость, но при определенных условиях и целесообразность применения именно этих инструментов⁷.

Сформулированные выше предложения претендуют исключительно на то, чтобы обозначить общую логику изменений, которые, по моему мнению, следовало бы внести в проводимую макроэкономическую и отчасти промышленную политику. Разумеется, реализация этого подхода предполагает дополнительную детальную проработку многих вопросов, в том числе на модельном уровне.

⁷ Характерен следующий текст, представлявший характер и содержание доклада на сайте МВФ (цитируется на языке оригинала): «Cross-border capital flows provide significant benefits but may also generate or amplify shocks... Over the course of 2019 and 2020, IMF staff has made a major push to develop conceptual and quantitative models taking greater account of real-life frictions and vulnerabilities to guide how these tools should be used in an integrated way... The combined work should provide useful insights to policy makers on when and how to deploy multiple tools with special attention to their interactions, country-specific characteristics, initial conditions and the nature of the shocks» (www.imf.org).

И, наконец, последнее. Предлагаемое значительное повышение экономической активности государства может вызвать законный вопрос: не приведут ли такие действия к деформации рыночного механизма и как результат – к резкому снижению эффективности функционирования российской экономики?

Для того чтобы избежать такого развития событий, необходимо уделять самое серьезное внимание институциональным преобразованиям («структурным реформам»), направленным как на создание условий для недискриминационного государственного регулирования, не искажаемого коррупционными отношениями, так и на поддержание здоровой конкурентной рыночной среды.

Первостепенное значение для эффективного действия рыночного механизма имеют назревшие преобразования, касающиеся самого государства. Речь, в частности, идет о реформах госаппарата, судебной системы, о мерах по разделению применительно к государству функций регулятора и собственника (Некипелов, Ивантер, Глазьев, 2013).

Этой же цели призвано служить совершенствование механизмов, предотвращающих как использование криминальных методов, в частности рейдерских захватов, так и неправомерное применение рыночной мощи со стороны экономических агентов.

Иными словами, логика предлагаемых действий такова. Рынок продуцирует экономические сигналы, а меры государственной политики призваны в необходимых случаях не отменять, а модифицировать их в соответствии с целями общества. Но при этом принципиальное значение имеет способность экономических агентов адекватно, по-рыночному, реагировать на такие сигналы.

ЛИТЕРАТУРА

Аганбегян А.Г. 2018. *Финансы, бюджет и банки новой России*. Москва: Издательский дом «Дело». РАНХиГС.

Аганбегян А.Г. 2020. Кризис как окно возможностей для социально-экономического развития. *Научные труды ВЭО России*. Т. 223. С. 47–69.

Айвазян С.А. 1974. *Об опыте применения экспертно-статистического метода построе-*

ния неизвестной целевой функции. Многомерный статистический анализ в социально-экономических исследованиях. Москва: Наука.

Айвазян С.А. 2010. *Методы эконометрики*. Москва: Магистр. Инфра-М.

Глазьев С.Ю. 2018. О неприемлемости проекта «Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2019 г. и период 2020 и 2021 гг.» Банка России (особое мнение члена Национального финансового совета). *Российский экономический журнал*. № 6. С. 3–26.

Ершов М.В. 2017. Об условиях экономического роста: о валютном курсе, валютной стабильности и длинных деньгах. *Общество и экономика*. №2. С. 5–13.

Маевский В.И., Малков С.Ю., Рубинштейн А.А. 2021. *К проблеме монетизации российской экономики*. Москва: Институт экономики.

Миркин Я.М. 2018. Финансовый форсаж. *Банковские услуги*. № 10. С. 2–7.

Некипелов А.Д. 2015. О ресурсном проклятии и его влиянии на тактику и стратегию экономического развития. *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 2 (26). С. 205–210.

Некипелов А.Д. 2017. *Общая теория рыночной экономики*. Учебник. Москва: Магистр.

Некипелов А.Д. 2020. О возможностях макроэкономической политики в преодолении кризиса, вызванного пандемией. *Научные труды ВЭО России*. Москва. Т. 223. С. 37–46.

Россия на пути к современной динамичной и эффективной экономике. 2013. Под ред. академиков Некипелова А.Д., Ивантера В.В., Глазьева С.Ю. Москва.

McKinnon R. 1991. *The Order of Economic Liberalization. Financial Control in the Transition to a Market Economy*. The Johns Hopkins University Press, Baltimore and London.

The Liberalization and Management of Capital Flows: an Institutional View. IMF. 2020. November 14 URL: (<https://www.imf.org/en/Publications/Policy-Papers/Issues/2016/12/31/The-Liberalization-and-Management-of-Capital-Flows-An-Institutional-View-PP4720>).

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАСПРЕДЕЛЕНИЯ СРЕДСТВ БЮДЖЕТА СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА

Жук И.Н.

Историческая роль и значение Союзного государства Республики Беларусь и Российской Федерации (Союзное государство; СГ) достаточно велико не только для обеих стран-участниц, но и для Европейско-Азиатского региона в целом. Объединение материального и интеллектуального потенциалов при их целенаправленном использовании существенно увеличивает эффективность государственной политики, направленной на устойчивое социально-экономическое развитие Беларуси и России, что способствует повышению уровня жизни населения, созданию благоприятных условий для всестороннего гармоничного развития личности, борьбы с преступностью, обеспечению безопасности и поддержанию обороноспособности Союзного государства.

В процессе интеграции Российской Федерации и Республики Беларусь сформировались жизненно важные интересы Союзного государства, представляющие собой совокупность потребностей сторон в соответствии с целями и задачами СГ, а также иных интегрированных потребностей государств-членов, удовлетворение которых надежно обеспечивает Союзное государство. Его интересы охватывают все сферы жизнедеятельности. Они тесно взаимосвязаны, являются концептуальными ориентирами для его долгосрочного развития, а также выступают основой для выявления и устранения факторов, деструктивно влияющих на их реализацию.

Важным инструментом использования финансовых ресурсов, направляемых на удовлетворение потребностей Беларуси и России, реализацию наиболее важных социально-экономических совместных программ, проектов и мероприятий, укрепление межведомственных и межотраслевых белорусско-российских связей, является бюджет Союзного государства.

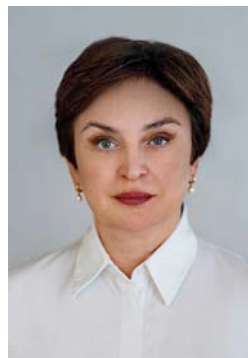
Вопросам бюджета Союзного государства посвящены работы Т.В. Брайчевой, Г.П. Герасименко, В.В. Ожигиной, Л.Н. Павловой, И.В. Петровой, К.В. Рудого, Семак Е.А., Сорокиной Т.В., Шулейко О.Л. и др.

Актуальность дополнительного исследования обусловлена изменениями, происходящими при формировании и использовании бюджета СГ в современных условиях – существенно меняется структура бюджета, наблюдается устойчивый его профицит, связанный с накоплением сумм предыдущих периодов, резервированием неиспользованных средств на реализацию в будущем более масштабных мероприятий.

Составление бюджета Союзного государства осуществляется на основе Порядка формирования и исполнения бюджета Союзного государства, утвержденного Декретом Высшего Государственного Совета Союзного государства от 3 марта 2015 г. № 3 (в редакции его Декрета от 21 февраля 2020 г. № 3). Бюджет составляется на один финансовый год, который соответствует календарному году. Валютой бюджета Союзного государства является российский рубль.

Доходы бюджета Союзного государства формируются за счет:

ОБ АВТОРЕ

ЖУК

Ирина Николаевна
(shuk_i@mail.ru),
кандидат экономических наук, доцент,
зав. отделом НИЭИ
Министерства экономики
Республики Беларусь
(г. Минск, Беларусь).

Сфера научных интересов:
международная
экономическая интеграция,
международные финансы.

- ежегодных согласованных *отчислений государств-участников Договора* о создании Союзного государства из национальных бюджетов Беларуси и России (35 и 65% соответственно);
- *неналоговых доходов*, включающих:
 - ✓ доходы, полученные в виде арендной либо иной платы за сдачу во временное владение, пользование или доверительное управление активов, находящихся в собственности Союзного государства;
 - ✓ доходы, полученные от использования имущества Союзного государства, включая доходы от его продажи;
 - ✓ доходы, полученные Государственным учреждением «Телерадиовещательная организация Союзного государства» от предпринимательской и иной приносящей доход деятельности;
 - ✓ остатки средств бюджетов Союзного государства прошлых лет;
 - ✓ средства, полученные в результате применения мер гражданско-правовой, административной ответственности, в том числе штрафов, пеней и иных сумм принудительного изъятия, иные неналоговые доходы;
- *безвозмездных поступлений* от правительств иностранных государств, международных организаций, юридических и физических лиц, в том числе индивидуальных предпринимателей.

Как показано в табл. 1, в общем объеме бюджета Союзного государства основную долю составляют безвозмездные отчисления Республики Беларусь и Российской Федерации. При этом следует обратить внимание на тот факт, что в 2017–2019 гг., 2023 г. зафиксирована значительная сумма неналоговых поступлений, обусловленная остатками средств бюджетов Союзного государства прошлых лет: 27,4; 29,7; 32,8; 25,3% соответственно от общей суммы доходов бюджета СГ. Это связано с неполным освоением средств бюджета в ходе его исполнения.

Иные неналоговые доходы представлены в бюджете Союзного государства незначительными объемами. Средства бюджета СГ распределяются по основным сферам деятельности в соответствии с утвержденным перечнем программ, проектов и мероприятий, принятых к финансированию (табл. 2).

За период 2017–2023 гг. структура расходов бюджета Союзного государства характеризовалась следующими особенностями.

Увеличилась доля расходов на правоохранительную деятельность и обеспечение безопасности Союзного государства с 7,3 до 29,6% (в 2021 г.); органы Союзного государства – с 12,9 до 26,4% (в 2022 г.); средства массовой информации – с 15,5 до 26,2% (в 2022 г.); предупреждение и ликвидацию последствий чрезвычайных

Таблица 1

Доходы бюджета Союзного государства, млн руб. / %

Доходы бюджета СГ	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023*
Неналоговые доходы	1842,8	2053,1	2373,0	649,5	356,6	220,4	1507,5
	27,4	29,7	32,8	11,8	7,5	4,8	25,3
в том числе остатки средств бюджетов СГ прошлых лет	1842,6	2052,9	2371,8	647,7	352,1	216,1	1504,0
Безвозмездные поступления	4872,0	4872,0	4872,0	4872,0	4384,8	4384,8	4458,6
	72,6	70,3	67,2	88,2	92,5	95,2	74,7
Отчисления Российской Федерации	3167,0	3167,0	3167,0	3167,0	2850,3	2850,3	2898,3
	47,2	45,7	43,7	57,3	60,1	61,9	48,6
Отчисления Республики Беларусь	1705,0	1705,0	1705,0	1705,0	1534,5	1534,5	1560,3
	25,4	24,6	23,5	30,9	32,4	33,3	26,1
ВСЕГО	6714,8	6925,1	7245,0	5521,5	4741,4	4605,2	5966,1
	100	100	100	100	100	100	100

Источник: весь иллюстративный материал в статье подготовлен с использованием данных: URL: <https://www.postkomsg.com/budget/>.

* Составлено на основе Проекта бюджета Союзного государства.

Функциональная структура расходов бюджета Союзного государства, млн росс. руб. / %

Направление расходов	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Органы Союзного государства	629,3	657,0	679,2	720,4	748,7	878,5	1057,0
	12,9	12,3	10,7	13,4	15,9	26,4	20,9
Международная деятельность	–	11,4	–	3,0	–	3,1	–
	–	0,2	–	0,1	–	0,1	–
Военно-техническое сотрудничество	26,5	136,5	455,7	409,1	321,9	15,8	26,6
	0,5	2,6	7,2	7,6	6,8	0,5	0,6
Правоохранительная деятельность и обеспечение безопасности Союзного государства	354,9	720,4	1044,0	1167,1	1396,7	5,7	7,7
	7,3	13,5	16,5	21,7	29,6	0,2	0,1
Фундаментальные исследования и содействие научно-техническому прогрессу	498,9	1134,5	1158,4	695,4	591,6	358,8	1128,0
	10,2	21,2	18,3	12,9	12,5	10,8	22,3
Промышленность, энергетика и строительство	910,0	1195,0	1250,0	585,0	–	90,0	518,1
	18,7	22,4	19,8	10,9	–	2,7	10,2
Сельское хозяйство и рыболовство	–	36,8	145,4	73,1	7,1	–	–
	–	0,7	2,3	1,3	0,2	–	–
Охрана окружающей природной среды и природных ресурсов, гидрометеорология, картография и геодезия	23,6	24,3	23,8	25,0	25,9	–	–
	0,5	0,4	0,4	0,5	0,5	–	–
Транспорт, связь и информатика	530,0	56,6	96,9	78,7	99,4	72,2	–
	10,9	1,0	1,5	1,5	2,1	2,2	–
Предупреждение и ликвидация последствий чрезвычайных ситуаций и стихийных бедствий	150,0	160,0	160,0	403,4	421,7	604,0	230,0
	3,1	3,0	2,5	7,5	8,9	18,2	4,5
Образование	75,2	102,4	193,1	77,5	83,5	84,2	154,1
	1,5	1,9	3,1	1,4	1,8	2,5	3,0
Культура, искусство и кинематография	86,8	191,2	191,1	203,3	69,6	108,3	116,7
	1,8	3,6	3,0	3,8	1,5	3,2	2,3
Средства массовой информации	753,8	783,5	786,1	809,9	845,5	872,1	961,5
	15,5	14,7	12,4	15,1	17,9	26,2	19,0
Здравоохранение и физическая культура	83,8	52,7	47,9	49,2	35,3	152,6	221,3
	1,7	1,0	0,8	0,9	0,7	4,6	4,4
Социальная политика	68,9	77,0	77,0	77,0	77,0	79,1	82,5
	1,4	1,4	1,2	1,4	1,6	2,4	1,6
Прочие расходы	683,9	1,1	17,1	–	–	–	50,0
	14,0	0,1	0,3	–	–	–	1,0
Исследование и использование космического пространства	–	–	–	–	–	–	513,0
							10,1
ВСЕГО	4875,6	5340,4	6325,7	5377,1	4723,9	3324,4	5066,5
	100	100	100	100	100	100	100

ситуаций и стихийных бедствий – с 3,1 до 18,2% (в 2022 г.); военно-техническое сотрудничество – с 0,5 до 7,6 % (в 2020 г.).

Следует отметить сокращение расходов на промышленность, энергетику и строительство, а в 2021 г. вообще не планировалось финансирование в данной сфере; снизились расходы на транспорт, связь и информатику.

Расходы на фундаментальные исследования и содействие научно-техническому прогрессу колеблются в пределах 10,2 (2017 г.) – 22,3% (2023 г.).

В составе других расходов предусматриваются средства на международную деятельность (0,1–0,2%); сельское хозяйство и рыболовство (0,2–2,3%); охрану окружающей среды и природных ресурсов, гидрометеорологию, картографию и геодезию (0,4–0,5%); образование (1,4–3,1%); культуру, искусство и кинематографию (1,5–3,8%); здравоохранение и физическую культуру (0,7–4,4%); социальную политику (1,2–2,4%).

Ведомственную структуру расходов бюджета Союзного государства иллюстрируют данные табл. 3.

Таблица 3

Ведомственная структура расходов бюджета Союзного государства, млн росс. руб. / %

Направление расходов	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Министерства и ведомства Беларуси	969,8	1417,7	1745,8	1401,9	1153,4	473,1	959,2
	19,9	26,6	27,6	26,1	24,4	14,2	18,9
Министерства и ведомства России	1738,2	2346,9	2988,6	2317,3	1849,8	938,9	1892,5
	35,6	43,9	47,2	43,1	39,2	28,2	37,4
Органы и организации СГ	2167,6	1575,8	1591,3	1657,9	1720,7	1912,4	2214,8
	44,5	29,5	25,2	30,8	36,4	57,6	43,7
ВСЕГО	4875,6	5340,4	6325,7	5377,1	4723,9	3324,4	5066,5
	100	100	100	100	100	100	100

Доля средств, распределяемых на территории Республики Беларусь (min-max), составляет 14,2–27,6%, на территории Российской Федерации – 28,2–47,2%. Удельный вес расходов на органы и организации Союзного государства колеблется в пределах 25,2–57,6%.

В 2023 г. основными получателями средств бюджета Союзного государства на территории Республики Беларусь стали Национальная академия наук Беларуси (558,0 млн росс. руб.), Министерство промышленности (181,1 млн росс. руб.), Министерство здравоохранения (81,5 млн росс. руб.).

Лидерами по объему получаемых бюджетных ресурсов в Российской Федерации являются Государственная корпорация по космической деятельности «Роскосмос» (567,3 млн росс. руб.), Министерство науки и высшего образования (500,5 млн росс. руб.), Министерство промышленности и торговли Российской Федерации (337,0 млн росс. руб.).

Наибольший удельный вес по статье «Органы и организации Союзного государства» приходится на финансирование Постоянного комитета Союзного государства (434,8 млн росс. руб.), Парламентского Собрания Союза Беларуси и России (386,9 млн росс. руб.), Государственного учреждения «Телерадиовещательная организация Союзного государства» (422,1 млн росс. руб.).

Основная доля бюджетных средств направляется на финансирование программ (табл. 4).

Разработка и реализация программ Союзного государства осуществляется в соответствии с

Порядком разработки и реализации программ, утвержденным в новой редакции постановлением Совета Министров Союзного государства от 13 июня 2018 г. № 12. Объем расходов на выполнение указанных выше программ в отдельные годы составляет 26,0–65,8% от общих расходов бюджета Союзного государства (рис. 1).

Программы Союзного государства прежде всего направлены на решение задач, определенных Договором о создании Союзного государства, в том числе на решение фундаментальных, научно-исследовательских, социальных, экономических проблем, создание инфраструктуры Союзного государства (транспортной, информационно-коммуникационной, природоохранной), развитие отдельных производств, представляющих взаимный интерес. Большинство программ реализуется в стратегически важных отраслях и производствах (наукоемкие, высокотехнологичные).

Финансируемые из бюджета Союзного государства программы в промышленной сфере направлены на внедрение международных технологических стандартов, создание высокотехнологичных конкурентоспособных компаний (в том числе совместных) в несырьевых секторах экономики, ускорение развития обрабатывающего сектора промышленности и индустриального малого бизнеса.

В 2023 г. из бюджета Союзного государства финансируется 4 совместные программы на общую сумму 2 142 млн росс. руб. (42,3% от всех расходов бюджета).

Программы, финансируемые из бюджета Союзного государства Беларуси и России, по сферам деятельности

	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Военно-техническое сотрудничество							
Совершенствование объектов военной инфраструктуры, планируемых к совместному использованию в интересах обеспечения региональной группировки войск (сил) Республики Беларусь и Российской Федерации							
Правоохранительная деятельность и обеспечение безопасности СГ							
Развитие и совершенствование единой системы технического прикрытия железных дорог региона							
Совершенствование пограничной безопасности Союзного государства							
Фундаментальные исследования и содействие научно-техническому прогрессу							
Разработка инновационных геногеографических и геномных технологий идентификации личности и индивидуальных особенностей человека на основе изучения генофондов регионов Союзного государства							
Разработка комплексных технологий создания материалов, устройств и ключевых элементов космических средств и перспективной продукции других отраслей							
Разработка, гармонизация и модернизация нормативного, организационно-методического и аппаратно-программного обеспечения целевого применения космических систем дистанционного зондирования Земли России и Беларуси							
Разработка перспективных базовых технологических процессов получения функциональных материалов, структур, компонентов и модулей для высокоэффективных изделий фотоники в Союзном государстве							
Промышленность, энергетика и строительство							
Исследования и разработка высокопроизводительных информационно-вычислительных технологий для увеличения и эффективного использования ресурсного потенциала углеводородного сырья Союзного государства							
Разработка нового поколения электронных компонентов для систем управления и безопасности автотранспортных средств специального и двойного назначения							
Разработка критических стандартных технологий проектирования и изготовления изделий наноструктурной микро- и оптоэлектроники, приборов и систем на их основе и оборудования для их производства и испытаний							
Разработка интеллектуальных, высокотехнологичных цифровых и электронных компонентов и систем для автотранспортных средств специального и двойного назначения							
Сельское хозяйство и рыболовство							
Разработка инновационных энергосберегающих технологий и оборудования для производства и эффективного использования биобезопасных комбикормов для ценных пород рыб, пушных зверей и отдельных видов животных							
Охрана окружающей природной среды и природных ресурсов							
Развитие системы гидрометеорологической безопасности Союзного государства							
Транспорт, связь и информатика							
Разработка космических и наземных средств обеспечения потребителей России и Беларуси информацией дистанционного зондирования Земли							
Совершенствование системы защиты информационных ресурсов Союзного государства и государств-участников Договора о создании Союзного государства в условиях нарастания угроз в информационной сфере							
Предупреждение и ликвидация последствий чрезвычайных ситуаций и стихийных бедствий							
Программа совместной деятельности России и Беларуси в рамках Союзного государства по защите населения и реабилитации территорий, пострадавших в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС							
Здравоохранение и физическая культура							
Разработка новых спинальных систем с использованием технологий прототипирования в хирургическом лечении детей с тяжелыми врожденными деформациями и повреждениями позвоночника							
Исследование и использование космического пространства							
Разработка базовых элементов орбитальных и наземных средств в интересах создания многоспутниковых группировок малоразмерных космических аппаратов наблюдения земной поверхности и околоземного космического пространства							
ИТОГО	9	12	11	11	9	4	4

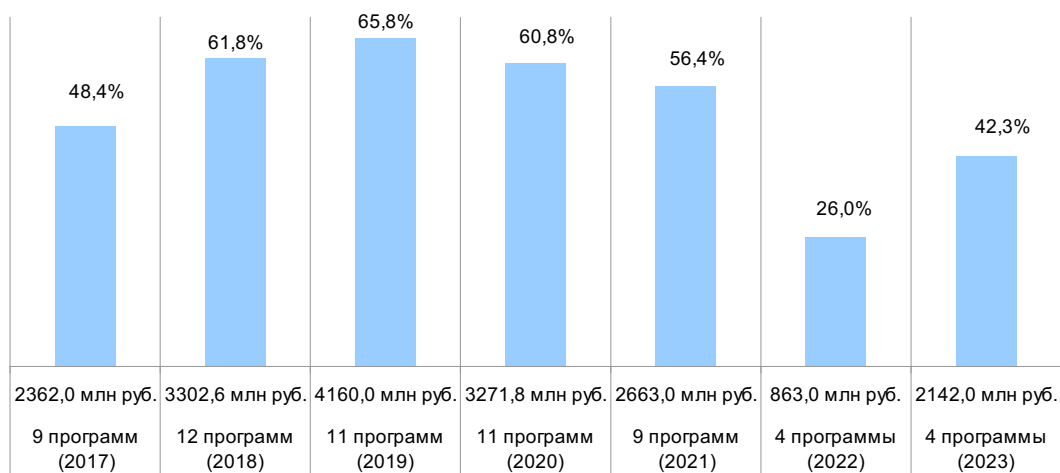

Рис. 1. Расходы бюджета Союзного государства на финансирование программ

Составление и утверждение смет расходов на реализацию мероприятий программ осуществляется в соответствии с Порядком составления и утверждения смет расходов на проведение мероприятий, финансируемых за счет средств бюджета Союзного государства, и представления отчетности по их выполнению, утвержденным в новой редакции постановлением Совета Министров Союзного государства от 17 февраля 2021 г. № 3. Удельный вес расходов на выполнение мероприятий составляет 19,5–47,6% от общего объема расходов бюджета Союзного государства (рис. 2).

В 2023 г. основными финансируемыми из бюджета мероприятиями стали: расходы на теле-радиовещание (374,9 млн руб.); периодическое издание Парламентского Собрания Союза Беларуси и России (Парламента Союзного государства) – газета «Союзное вече» (238,4 млн руб.); оказание комплексной медицинской помощи отдельным категориям граждан Беларуси и России, подвергшихся радиационному воздействию вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС (230,0 млн руб.).

Таким образом, за счет средств бюджета Союзного государства осуществляется финан-

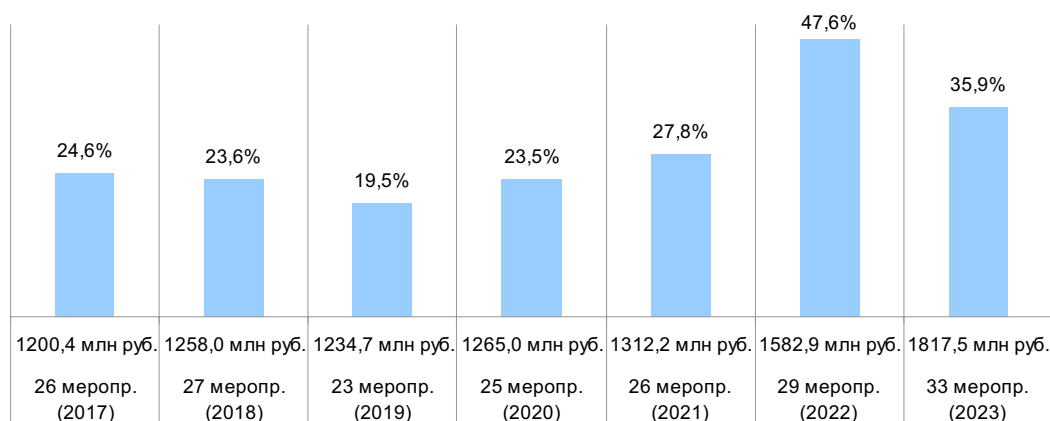

Рис. 2. Расходы бюджета Союзного государства на финансирование мероприятий программ

сирование военно-технического сотрудничества и совместной правоохранительной деятельности, реализуются важные для обеих стран программы в промышленности и информатике, в области охраны окружающей среды, образования и культуры, в социальной сфере. Значительные средства бюджета используются на финансирование мероприятий по преодолению последствий чернобыльской катастрофы, а также на развитие средств массовой информации.

Межгосударственные совместные программы являются важным средством осуществления скоординированной структурной политики государств, активного воздействия на социально-экономические процессы, в том числе объединения экономических потенциалов, согласованного развития и использования производственных мощностей.

Конкретные результаты расходов бюджета на финансирование совместных программ, проектов и мероприятий очевидны; в то же время пока остаются отдельные проблемы, которые отрицательно сказываются на эффективности реализации программ Союзного государства, среди них:

- недостаточная проработка концепций программ, сложная и длительная процедура их разработки и утверждения. От момента выявления инновационной идеи до ее обсуждения и утверждения на всех уровнях проходит значительное время. За этот период данные, заложенные в основу программ, утрачивают свою актуальность (Жданьков, 2015);

- неритмичность поступления средств из союзного бюджета, в отдельные годы обусловленная поздними сроками его принятия в результате корректировок. Например, постановление Совета Министров Союзного государства «О внесении изменений и дополнений в Декрет Высшего Государственного Совета Союзного государства «О бюджете Союзного государства на 2021 год» было принято в ноябре 2021 г.;

- неполное освоение бюджетных средств. Так, в 2017 г. ни по одной из программ ассигнования не были исполнены в полном объеме. На территории Российской Федерации все запланированные расходы произведены на 100%

по пяти программам, еще по четырем программам уровень исполнения составил около 99%. Однако на территории Республики Беларусь уровень исполнения программ варьировался от 25,4% («Развитие системы гидрометеорологической безопасности Союзного государства» на 2017–2021 годы) до 99,2% («Исследования и разработка высокопроизводительных информационно-вычислительных технологий для увеличения и эффективного использования ресурсного потенциала углеводородного сырья Союзного государства»). Кассовые расходы бюджета на реализацию мероприятий составили 97,7% от предусмотренного объема (Бурякова, Ващило, 2019. С. 446);

- длительные закупочные процедуры, несвоевременное представление подрядчиками счетов к оплате за выполненные работы (услуги), отсутствие у госзаказчиков внутриведомственных распорядительных документов об организации их исполнения;

- перенос на более позднее время реализации ряда мероприятий и утверждение новых программ;

- недостаточный уровень планирования доходов. Например, плановые показатели поступлений от «Телерадиовещательной организации Союзного государства» в 2017 г. составляли 1 млн руб., фактическое же их поступление по итогам 2017 г. – 4,5 млн руб.;

- нормативная неопределенность порядка привлечения госзаказчиков к ответственности за отсутствие внедрения результатов (инноваций).

Основными направлениями устранения указанных проблем, на наш взгляд, являются:

- совершенствование механизма отбора программ, принимаемых к финансированию из бюджета Союзного государства, включающего не только упрощение процедур отбора программ, но одновременно и повышение требований к их прибыльности и бюджетной эффективности, ранжирование мероприятий по степени их значимости;

- с целью исключения неритмичности поступления средств из союзного бюджета и неполного освоения бюджетных средств возможно внедрение перспективного бюджетного планирования (по примеру Европейского союза)

(Сорокина, 2007. С. 54). Составление бюджетов на 5 лет, а затем их ежегодная корректировка значительно упростят процедуру составления и утверждения бюджета на очередной год, будут способствовать своевременному его принятию и соответственно качественному исполнению;

- активизация использования при реализации союзных программ модели государственно-частного партнерства, что позволит при разработке программ рассмотреть вопросы и, возможно, заключить соглашения о намерениях с потенциальными партнерами, которые будут внедрять полученные результаты, поскольку в настоящее время исполнители не заинтересованы во вложении собственных средств¹.

- с целью алгоритмизации бюджетных операций для повышения скорости их осуществления и обеспечения прозрачности полагаем целесообразной реализацию предложений о

¹ URL: <https://ach.gov.ru/news/voa-rossii-i-belarusi-otsenili-ispolnenie-byudzheta-soyuznogo-gosudarstva-v-2019-godu>.

разработке единой цифровой платформы на базе новейших финансовых технологий (Бурякова, Вашило, 2019).

Представляется, что предложенные меры повысят качество управления финансовыми ресурсами Союзного государства, в том числе в работе государственных заказчиков совместных программ.

ЛИТЕРАТУРА

Бурякова А.О., Вашило А.А. 2019. Цифровизация бюджетных отношений Союзного государства России и Белоруссии. *Финансы и кредит*. Т. 25, № 2. С. 443–457.

Жданьков А.И. 2015. *Вестник АКСОР*. № 2. С. 66–73.

Сорокина Т.В. 2007. Бюджет Союзного государства Республики Беларусь и Российской Федерации: проблемы формирования и исполнения. *Белорусский экономический журнал*. № 3. 42–55.

Статья поступила 15.08.2023 г.

ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Козловская М.В.

Преобразование структуры национальной экономики включает сложнейшие процессы, происходящие в отраслях и внутри отдельных отраслей под воздействием непрерывно изменяющихся внутренних и внешних факторов, и нередко расценивается как движущая сила экономического роста. Это определяет значительный интерес, проявляемый исследователями к данной проблеме.

Впервые идеи структурных сдвигов в экономике и методологии анализа их развития были представлены еще в середине XVIII века в работах Ф. Кенэ, убежденного в необходимости соблюдения определенных пропорций в структуре экономики (Гасанов, 2012). В разработке основ теории анализа структуры экономики и описания путей ее применения на практике участвовали такие ученые, как Х. Клодт, В. Майсснер, К.-Х. Оппенлендер, Х.-Р. Петерс, Х. Зиберт, В. Фассинг, К.-Д. Шмидт и др. (Перепелкин, 2009). При этом единством мнений их рассуждения и оценки не отличались. В нашем исследовании будем исходить из общепринятых трактовок. В частности, структурой экономики признается совокупность отношений, взаимосвязей, частей, элементов, из которых складывается экономическое целое (система) (Артемова, Кострюкова, 2007). В свою очередь структурную трансформацию экономики в дальнейшем будем рассматривать как процесс перехода труда, капитала и иных факторов производства в более высокотехнологичные и современные отрасли и сектора экономики, в том числе в сферу услуг, приводящий к повышению производительности труда.

При изучении структурных преобразований в экономике исследователи выделяли разные аспекты. Так, некоторые зарубежные ученые (McMillan, Rodrick, Verduzco-Gallo, 2014; Дуарте,

Рестуччия, 2010) связывали трансформацию экономики с перемещением трудовых и иных ресурсов из первичного сектора экономики в современные, высокотехнологичные отрасли, что способствовало повышению общей производительности. Экономисты МВФ видят связь структурной трансформации и изменений в производственных и экспортных структурах страны¹. Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) рассматривает структурную трансформацию как переток труда, земли и капитала из производств и отраслей с низкой производительностью труда и добавленной стоимостью в производство и отрасли с более высокими значениями этих индикаторов². Кроме того, некоторые зарубежные авторы трактуют трансфор-

¹ Sustaining Long-run Growth and Macroeconomic Stability in Low-income Countries - The Role of Structural Transformation and Diversification. URL: <https://www.imf.org/external/np/pp/eng/2014/030514.pdf>.

² Структурная трансформация, четвертая промышленная революция и неравенство: вызовы для политики в области науки, техники и инноваций. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ciid43_ru.pdf.

ОБ АВТОРЕ

КОЗЛОВСКАЯ
Мargarita Viktorovna
(margarita78514@gmail.com),
магистр, аспирант
Белорусского
государственного
экономического
университета
(г. Минск, Беларусь).

Сфера научных интересов:
развитие сферы услуг,
трансформационные
процессы в экономике.

мацию экономики страны как относительный рост занятости в секторах с высокой производительностью труда (Page, Shimeles, 2014). Соответственно разнятся и методические подходы к выявлению структурной трансформации.

Несмотря на отдельные различия, в оценках исследователей прослеживаются общие детерминирующие факторы структурной трансформации: переток ресурсов и факторов производства в более наукоемкие и технологичные отрасли и сектора экономики, а также рост производительности труда. Вместе с тем при наличии определенного набора общих признаков трансформационные процессы в каждой стране протекают по-разному. Понимание специфики трансформационных преобразований экономики страны позволяет учесть уникальные контекстуальные факторы и разработать индивидуальные стратегии трансформации. Это может способствовать эффективному и успешному прогрессу экономических реформ и достижению устойчивого развития. Актуальность данной задачи для Республики Беларусь определила цель статьи – выявить особенности структурной трансформации экономики Беларуси и определить наиболее существенные факторы оценки их значимости для дальнейшего использования при принятии стратегических решений.

Поскольку структурная трансформация предполагает переток ресурсов и факторов производства из традиционных в более высокотехнологичные сектора, важным моментом исследования является классификация секторов экономики. Она может быть проведена с использованием различных методов. Так, Национальный статистический комитет Республики Беларусь придерживается принципа разделения экономики страны *по институциональному признаку*: сектор домашних хозяйств; сектор некоммерческих организаций, обслуживающих домашние хозяйства; финансовые корпорации, нефинансовые корпорации, сектор государственного управления и остальной мир³. Более приемлемым для анализа структурной трансформации представляется принцип разде-

³ Статистический классификатор «Институциональные единицы по секторам экономики». URL: <https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/klassifikatory/SK007.pdf>.

ления экономики *по виду производимой продукции* на первичный, вторичный и третичный сектора, который не применяется в отечественной статистике.

К *первичному сектору* относят сельское хозяйство, рыболовство, лесоводство, охоту и добывающую промышленность. *Вторичный сектор* включает обрабатывающую промышленность и строительство. *Третичный сектор* представляет собой сферу услуг. В последнее время многие авторы выделяют также четвертичный сектор экономики, объединяющий информационные компьютерные технологии, образование, научные исследования, банковские и финансовые услуги и др. (Шкаратан, Иняевский, 2007). При этом четвертичный сектор экономики, основанный на знаниях и умениях человека, рассматривается как часть вторичного и третичного секторов (Овсянникова, 2019).

Для определения секторов экономики по виду производимой продукции в нашем исследовании применен принцип, положенный в основу Собирабельных группировок по видам экономической деятельности в соответствии с Общегосударственным классификатором Республики Беларусь ОКРБ 005-2011 «Виды экономической деятельности»⁴, а конкретные виды экономической деятельности, относящиеся к секторам, определены в соответствии с Общегосударственным классификатором⁵. Результаты классификации представлены на рис. 1.

Присутствие в составе четвертичного сектора видов деятельности вторичного и третичного секторов может привести к искажениям при проведении анализа по четырем секторам, поэтому для исследования взята за основу трехсекторная модель экономики. Сортировка по трем важнейшим секторам позволяет изучать динамику индикаторов структурной трансформации на осно-

⁴ Собирабельные группировки по видам экономической деятельности в соответствии с Общегосударственным классификатором Республики Беларусь ОКРБ 005-2011 «Виды экономической деятельности». URL: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/klassifikatory/sobir.-grup_OKED005-2011_izm2.pdf.

⁵ Общегосударственный классификатор Республики Беларусь «Виды экономической деятельности» URL: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/klassifikatory/%D0%9E%D0%9A%D0%A0%D0%91%20005-2011_30_12_2016.pdf.

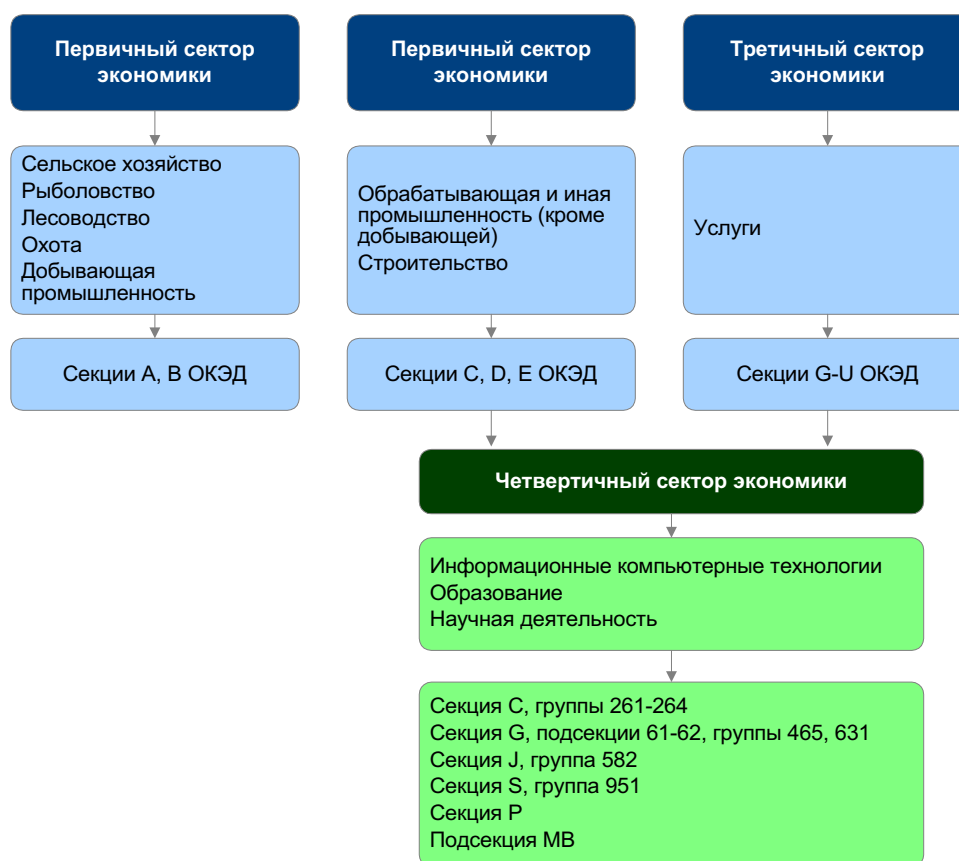

Рис. 1. Классификация видов экономической деятельности по виду производимой продукции

Источник: здесь и далее все рисунки и таблицы являются авторской разработкой.

ве данных отечественной статистики по видам экономической деятельности и рассматривать их как в разрезе секторов, так и в рамках одной конкретной группы.

Следующим и наиболее важным подготовительно-методическим этапом определения особенностей структурной трансформации экономики является *выявление ее возможных детерминирующих факторов*. Для этого вернемся к понятиям структурной трансформации, рассмотренным ранее.

Так, Д. Родрик, М. Макмиллан, И. Вердуско-Галло полагают детерминирующими факторами структурных изменений экономики переток факторов производства (в частности, труда) в более высокотехнологичные отрасли, а в качестве индикатора используют показатель повышения производительности труда. ЮНКТАД при определении структурной трансформации рас-

сматривает переток труда, земли и капитала из отраслей с низкой производительностью труда и добавленной стоимостью в производства и отрасли с более высокой производительностью труда и добавленной стоимостью. Д. Пейдж и А. Шимелес считают индикатором трансформации рост занятости в секторах с высокой производительностью труда.

Анализ мнений упомянутых авторов позволяет отнести к **детерминирующим** следующие факторы структурной трансформации экономики:

- усиление диспропорций в структуре экономики;
- переток факторов производства (в частности, труда и капитала) в более технологичные и наукоемкие сектора; передвижение труда и иных факторов производства в рамках одного сектора экономики в пользу более наукоемких производств;

• положительную динамику общей производительности труда за счет трансформационных процессов в пользу третичного сектора и высокотехнологичных видов деятельности.

Кроме того, детальное рассмотрение перечисленных факторов показало, что **индикаторами структурной трансформации**, отражающими их влияние на структурные сдвиги, могут быть: *увеличение доли валовой добавленной стоимости (ВДС), численности занятого населения; рост инвестиций в основной капитал по секторам экономики и отраслям третичного сектора сферы услуг в целом и по ее отдельным высокотехнологичным видам экономической деятельности; повышение производительности труда.*

Рассмотрим динамику выделенных индикаторов в экономике Республики Беларусь. В качестве базы исследования использованы данные Национального статистического комитета Республики Беларусь за 2012–2021 гг.

Рост *валовой добавленной стоимости* в секторах отражают изменения в структуре ВДС. При исследовании трансформационных процессов данный показатель является более репрезентативным, чем валовой внутренний продукт, поскольку наиболее полно отражает вновь созданную стоимость в каждом секторе экономики и происходящие изменения (рис. 2).

Согласно данным рис. 2, заметна отчетливая тенденция к снижению доли ВДС первичного и вторичного секторов до 2020 г. и увеличению доли третичного сектора экономики. При этом доля первичного сектора снижалась более плав-

но, в то время как во вторичном секторе наблюдалось резкое снижение с пропорциональным увеличением третичного сектора с 2015 г. Это позволяет сделать вывод о перетоке валовой добавленной стоимости преимущественно из вторичного сектора в третичный.

Более подробно рассмотрена динамика ВДС с выделением видов экономической деятельности в третичном секторе экономики (табл. 1). Критерием деления на группы определены характер и интенсивность изменений доли вида экономической деятельности:

- в группу с резко положительной динамикой включены виды деятельности, в которых отклонение превышало 0,5 п. п. хотя бы в одном из периодов;
- группа с положительной динамикой охватывает виды деятельности, для которых показатель составил от 0,1 до 0,5 п. п. хотя бы в одном из периодов;
- в группу с отрицательной динамикой вошли виды деятельности, для которых показатель составил от -0,1 до -0,5 п. п. хотя бы в одном из периодов;
- группа с резко отрицательной динамикой объединяет виды деятельности, для которых показатель хотя бы в одном из периодов был ниже -0,5 п. п.;
- в категорию со стабильными показателями включены виды экономической деятельности, предварительно отнесенные в группы с положительной или отрицательной динамикой, но имеющие незначительное общее изменение за

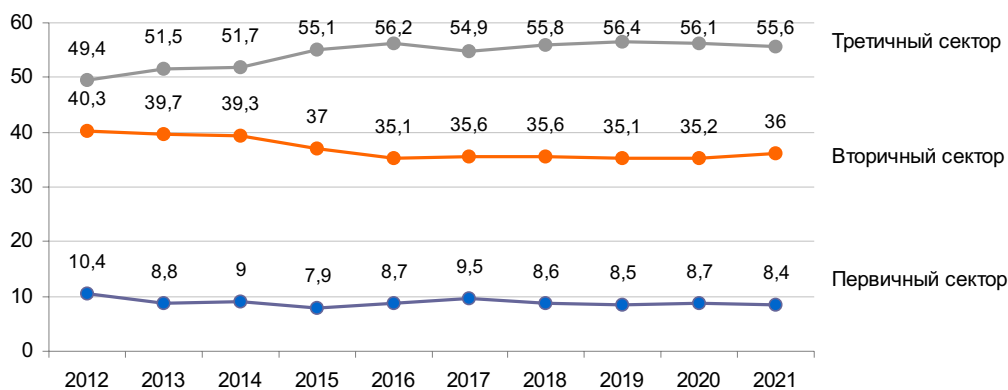

Рис. 2. Динамика структуры валовой добавленной стоимости по секторам экономики Республики Беларусь. 2012–2021 гг., % к итогу

Группировка видов экономической деятельности третичного сектора по динамике изменения их доли в ВДС Республики Беларусь, п. п.

Вид экономической деятельности (услуги)	Отклонение		
	2010–2015 гг.	2015–2020 гг.	2020–2021 гг.
<i>С резко положительной динамикой</i>			
Информация и связь	1,7	3,3	0,2
Операции с недвижимым имуществом	1,0	1,3	0,0
Здравоохранение и социальные услуги	0,6	0,7	0,1
<i>С положительной динамикой</i>			
Профессиональная научная и техническая деятельность	0,5	0,2	-0,1
Деятельность в сфере административных и вспомогательных услуг	0,3	0,2	0,0
Предоставление прочих видов услуг	0,2	0,2	-0,1
<i>Со стабильными показателями</i>			
Транспортная деятельность, складирование, почтовая и курьерская деятельность	0,4	-0,3	0,0
Услуги по временному проживанию и питанию	0,0	-0,2	0,2
Творчество, спорт, развлечения и отдых	-0,1	-0,1	0,1
<i>С отрицательной динамикой</i>			
Государственное управление	-0,3	0,2	-0,2
Образование	0,1	-0,2	-0,2
<i>С резко отрицательной динамикой</i>			
Оптовая и розничная торговля; ремонт автомобилей и мотоциклов	1,0	-3,1	-0,3
Финансовая и страховая деятельность	-0,1	-1,3	-0,1
Итого третичный сектор	5,6	1,0	-0,5

весь период с 2010 по 2021 г. в диапазоне от -0,1 до 0,1 п. п.

Кроме того, показатели за 2021 г. не столь репрезентативны, как показатели за предыдущие пятилетия (табл. 1).

Наиболее существенное увеличение доли услуг в ВДС пришлось на период 2010–2015 гг., когда в качестве драйверов выступили оптовая и розничная торговля, информация и связь, операции с недвижимостью и здравоохранение. Аутсайдером в этот период являлись услуги государственного управления, потерявшие несущественную долю в ВДС.

В период с 2015 по 2020 г. рост доли услуг замедлился, в том числе из-за существенного снижения доли в ВДС торговли, являвшейся драйвером предыдущего пятилетия, а также более существенного снижения доли услуг финансовой и страховой деятельности. При этом доля операций с недвижимостью продолжала расти, но наибольший рост показателя продемонстрировали услуги информации и связи.

В 2021 г. услуги торговли продолжили снижение, а информационные услуги и здравоохранение сохранили траекторию роста.

В целом в период 2010–2021 гг. существенный рост был характерен для услуг информации и связи (с 3,0 до 8,3%), недвижимости (с 4,7 до 7,0%) и здравоохранения (с 3,2 до 4,7%). Сильное снижение доли в ВДС отмечено в торговле (с 13,0 до 10,6%) и финансовой деятельности (с 4,4 до 3,0%). Положительная динамика высокотехнологичных и наукоемких услуг – таких, как информация и связь, научная деятельность и административные услуги, свидетельствует о качественных трансформационных изменениях. С 2021 г. доля третичного сектора в ВДС начала уменьшаться, т. е. процесс структурной трансформации затормозился.

Второй индикатор структурной трансформации экономики – изменение доли занятого населения в секторах и отраслях экономики – характеризуют данные рис. 3 и табл. 2.

Из данных рис. 3 следует, что в структуре занятости населения наблюдается постепенный спад доли первичного сектора, а с 2015 г. – более существенный спад вторичного сектора с обратно пропорциональным ростом численности занятых в третичном секторе. В то же

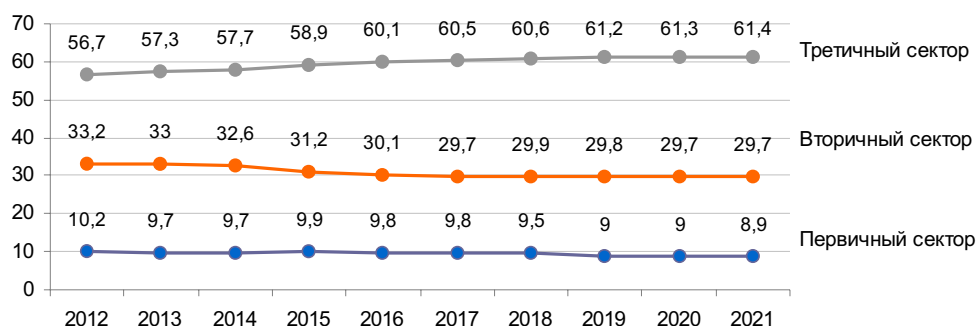

Рис. 3. Динамика изменения доли занятого населения Республики Беларусь по секторам экономики. 2012–2021 гг., % к итогу

Таблица 2

Группировка видов экономической деятельности третичного сектора по интенсивности изменения доли в численности занятого населения Республики Беларусь, п. п.

Вид экономической деятельности (услуги)	Отклонение		
	2010–2015 гг.	2015–2020 гг.	2020–2021 гг.
<i>С резко положительной динамикой</i>			
Информация и связь	0,4	1,1	0,2
Здравоохранение и социальные услуги	0,5	0,6	0,0
Предоставление прочих видов услуг	0,7	-0,3	0,1
<i>С положительной динамикой</i>			
Профессиональная научная и техническая деятельность	0,3	0,5	0,1
Деятельность в сфере административных и вспомогательных услуг	0,3	0,1	0,0
Образование	0,0	0,4	0,0
<i>Со стабильными показателями</i>			
Финансовая и страховая деятельность	0,2	-0,3	0,0
Транспортная деятельность, складирование, почтовая и курьерская деятельность	0,0	-0,1	0,1
Услуги по временному проживанию и питанию	0,1	0,0	0,0
Операции с недвижимым имуществом	0,2	-0,1	-0,1
Государственное управление	-0,2	0,1	0,0
Творчество, спорт, развлечения и отдых	0,2	0,0	-0,1
<i>С отрицательной динамикой</i>			
Транспортная деятельность, складирование, почтовая и курьерская деятельность	0,0	-0,1	-0,2
Итого третичный сектор	3,5	2,4	0,1

время изменения в динамике занятого населения в первичном секторе – более плавные и несущественные.

По аналогии с проведенным выше структурным анализом динамики первого показателя (ВДС) рассмотрим изменения второго показателя на примере третичного сектора экономики в отраслевом разрезе (табл. 2).

В отличие от первого показателя, снижение темпа роста доли занятых в отраслях услуг менее резкое. В 2010–2015 гг. драйверами роста выступали торговля и услуги здравоохранения. Аналогичным образом снижалась доля в структуре занятого населения в этот период в государственном управлении.

В 2015–2020 гг. наиболее существенный рост доли отмечен в услугах информации и связи. В отличие от ВДС, доля торговли в структуре занятого населения в этот период оставалась относительно стабильной.

В 2021 г. не было существенных изменений доли ни в одном из видов услуг (динамика каждого вида экономической деятельности в этом году колебалась в границах от -0,2 до 0,2), однако так же, как в структуре ВДС, наблюдалось падение доли занятых в третичном секторе в целом с 9 до 8,9%.

С 2010 по 2021 г. наибольший рост занятых отмечен в информационных услугах (с 1,7 до 3,4%), в услугах здравоохранения (с 6,5 до 7,6%),

услугах торговли (с 13,3 до 14,2%) и профессиональной научной и технической деятельности (с 2,7 до 3,6%). Положительная динамика была характерна для ряда наукоемких и высокотехнологичных услуг (информационных, административных, научной деятельности, образования), что свидетельствует о качественных структурных преобразованиях. Видимая негативная тенденция с 2015 г. отмечена лишь в торговле. Однако снижение общего показателя по третичному сектору также указывает на замедление процесса структурной трансформации экономики.

Рост инвестиций в основной капитал по секторам экономики и отраслям (видам экономиче-

ской деятельности в третичном секторе) может быть исследован посредством анализа изменения динамики доли инвестиций в основной капитал. Инвестиции в основной капитал отражают потребности предприятий в новых средствах производства и инфраструктуре и служат индикатором перетока капитала между секторами экономики. Таким образом, данный показатель позволяет выявить наиболее развивающиеся отрасли и сектора экономики, в сторону которых происходит это перераспределение (рис. 4 и табл. 3).

С 2013 по 2016 г. для инвестиций в основной капитал был характерен переток из первичного сектора во вторичный и третичный.

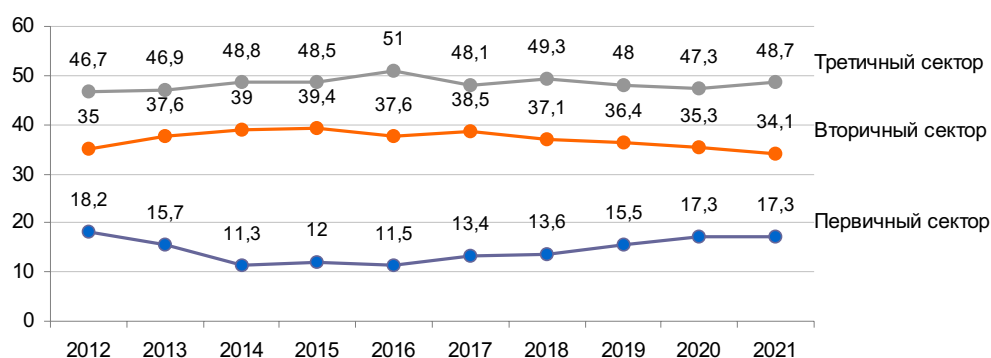

Рис. 4. Динамика изменения доли инвестиций в основной капитал по секторам экономики Республики Беларусь. 2012–2021 гг., % к итогу

Таблица 3

Группировка видов экономической деятельности третичного сектора по интенсивности изменения доли инвестиций в основной капитал, п. п.

Вид экономической деятельности (услуги)	Отклонение		
	2010–2015 гг.	2015–2020 гг.	2020–2021 гг.
<i>С резко положительной динамикой</i>			
Транспортная деятельность, складирование, почтовая и курьерская деятельность	1,2	-1,0	1,5
Образование	-0,5	0,8	0,2
<i>С положительной динамикой</i>			
Государственное управление	0,2	0,3	-0,1
Здравоохранение и социальные услуги	0,4	0,4	0,4
<i>Со стабильными показателями</i>			
Услуги по временному проживанию и питанию	0,7	-0,8	0,1
Оптовая и розничная торговля; ремонт автомобилей и мотоциклов	0,0	0,3	-0,4
Профессиональная научная и техническая деятельность	-0,1	-0,1	0,2
Деятельность в сфере административных и вспомогательных услуг	-0,1	0,2	0,0
Предоставление прочих видов услуг	0,0	0,0	0,0
<i>С отрицательной динамикой</i>			
Информация и связь	-0,3	-0,3	0,3
Операции с недвижимым имуществом	0,6	-0,1	-0,7
<i>С резко отрицательной динамикой</i>			
Финансовая и страховая деятельность	0,2	-0,7	-0,2
Творчество, спорт, развлечения и отдых	-1,4	-0,2	0,1
Итого третичный сектор	0,9	-1,2	1,4

С 2016 г. и особенно с 2017 г. заметен обратный процесс, причем преимущественно за счет вторичного сектора. При этом третичный сектор (услуги) сохранял первенство по доле инвестиций, которая оставалась относительно стабильной. Группировка видов деятельности сферы услуг по динамике изменения доли инвестиций в основной капитал представлена в табл. 3.

Как следует из данных табл. 3, в третичном секторе (сфера услуг) в 2010–2015 гг. наблюдался незначительный переток инвестиций в основной капитал, преимущественно за счет услуг транспортной деятельности, услуг по временному проживанию и питанию и операций с недвижимостью. В 2015–2020 гг. отмечен существенный спад доли инвестиций по большинству видов услуг. Наиболее сильным снижением оказалось на транспорте, в сфере финансовых услуг и услуг по временному проживанию и питанию. Драйвером этого периода являлись услуги образования. В 2021 г. произошел небольшой подъем доли всей сферы услуг в инвестициях, и основным драйвером стали транспортные услуги.

В целом наблюдается увеличение доли услуг в инвестициях в основной капитал в период с 2010 по 2021 г. Несмотря на спад в 2015–2020 гг., основной рост приходится на транспортные ус-

луги (с 7,1 до 8,8%), также заметен постепенный рост услуг здравоохранения (с 2,1 до 3,3%). Из наукоемких услуг положительные тенденции заметны в образовании. Уменьшение доли в инвестициях в основной капитал просматривается в финансовых услугах (с 1,2 до 0,5%), а также услугах творчества, спорта и развлечений (с 2,5 до 1,0%).

Для выявления особенностей влияния рассмотренных факторов на трансформацию экономики сравним их индикаторы на одной диаграмме (рис. 5).

На рис. 5 трансформационные процессы наиболее явно прослеживаются в изменениях структуры ВДС и занятого населения. При этом произошел резкий подъем доли третичного сектора по ВДС в 2015 г., но изменение за 2010–2021 гг. не такое существенное, как в структуре занятого населения, хотя там наблюдаются более плавные преобразования. Основной переток ресурсов (согласно изменению обоих показателей) происходит преимущественно из вторичного сектора в третичный. В первичном секторе преобразование структуры по этим показателям не столь существенны.

Подобной тенденции не наблюдалось в структуре инвестиций в основной капитал, однако это

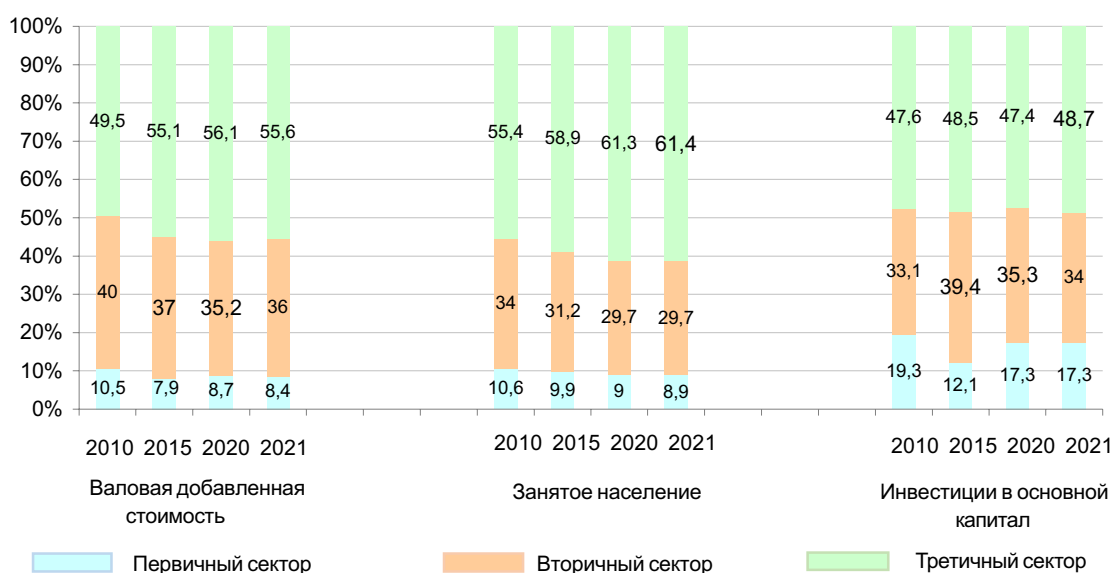

Рис. 5. Динамика долей валовой добавленной стоимости, занятого населения и инвестиций в основной капитал по секторам экономики, % к итогу

не означает отсутствия структурных преобразований. Учет этой особенности может быть полезен при отборе коллинеарных факторов развития услуг в условиях структурной трансформации экономики.

Четвертым индикатором трансформации экономики определен рост *производительности труда*, который, на наш взгляд и по мнению некоторых других исследователей, выступает обобщающим результирующим показателем для рассмотренных выше, а также для оценки влияния всех других, менее значимых факторов. Динамика соответствующего индикатора представлена на рис. 6.

Согласно данным рис. 6, во всех секторах экономики наблюдались краткосрочные и не связанные один с другим подъемы и спады производительности труда. В частности, наиболее существенный спад производительности труда во всех секторах пришелся на 2015 г. В целом в период с 2011 по 2020 г. отмечен спад общей производительности труда на 7,7 п. п. Это также является свидетельством определенных особенностей трансформационных процессов в экономике Республики Беларусь, где переток ВДС и труда в более высокотехнологичные сектора экономики не приводит к увеличению общей производительности.

Таким образом, в целом положительная динамика рассмотренных выше показателей подтверждает позитивные трансформационные процессы в экономике Республики Беларусь. В частности, отмеченный переток факторов

производства и ВДС из вторичного сектора в третичный сектор услуг, а также рост доли новых рыночных услуг свидетельствуют об укреплении третичного и развитии четвертичного сектора услуг.

Для более углубленного изучения скорости трансформации экономики могут быть применены *специальные показатели*. В отечественной науке нет единой методологии оценки трансформации экономики и других структурных преобразований, большинство методик основано на адаптации зарубежного опыта.

Так, О. Сухарев в одной из своих статей упоминает показатель, предложенный *Экономической комиссией ООН для Европы* (ЭКЕ). Данный показатель известен как Индекс динамики быстро растущих отраслей (IDGS). Он представляет собой взвешенную среднюю ежегодных изменений доли быстро растущих отраслей в объеме продукции, численности занятых или в основном капитале. Математически показатель может быть выражен следующим образом:

$$IDGS = \frac{\sum_{i=1}^q [S_{i,T} - S_{i,0}]}{q \cdot T}, \quad (1)$$

где $S_{i,T}$ – доля i -й отрасли в объеме продукции, количестве занятых или в основном капитале в конце периода; $S_{i,0}$ – доля i -й отрасли в объеме продукции, количестве занятых или в основном капитале в начале периода; q – число отраслей, увеличивших свою долю; T – протяженность периода времени.

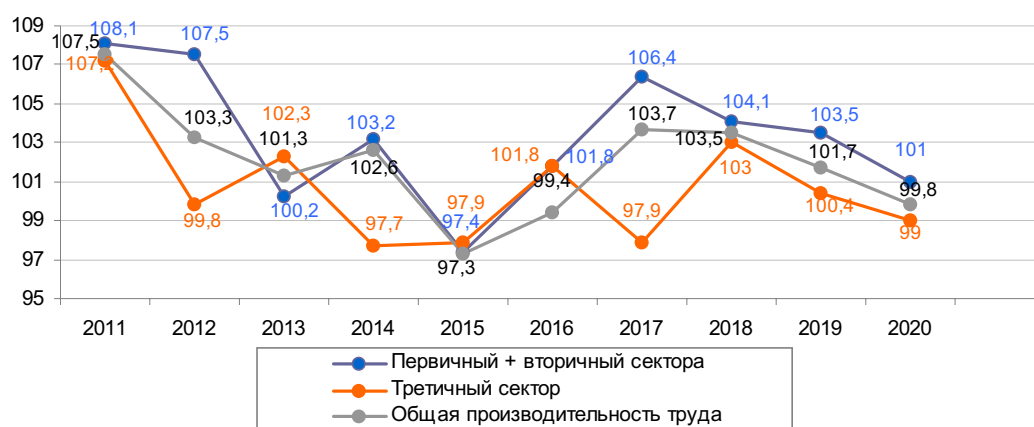

Рис. 6. Динамика изменения производительности труда по секторам экономики, % к уровню предыдущего года

Следует учитывать, что индекс не вполне корректно описывает малые структурные изменения, которые год от года могут привести к весьма существенному общему результату из-за исчезновения отдельных отраслей и появления новых секторов. Исходя из этого рекомендуется использовать данный показатель на оперативных данных.

Индекс IDGS реализует известный методологический подход к измерению части целого, когда при оценке структурного сдвига определяют изменение удельного веса и доли структурного элемента или показателя, характеризующего элемент с течением времени, точнее, за указанный промежуток времени (Сухарев, 2012).

Данный индекс для Республики Беларусь отечественной статистикой не рассчитывается, но может быть определен на ее данных. При этом в

качестве периода оценки избран 2015–2020 гг., поскольку именно он отражает динамику структурных преобразований в последние пятилетие до начала кризисного периода, связанного с пандемией COVID-19.

Проведенный нами анализ показал, что наиболее адекватно отражает структурную трансформацию индикатор структуры занятого населения, поэтому расчет Индекса IDGS будем производить на основе данных о количестве занятого населения Республики Беларусь по секторам экономики и формирующим их видам экономической деятельности. Виды экономической деятельности, в которых увеличивалась доля занятого населения (выделены цветом), являлись драйверами в определенный период времени (табл. 4). Очевидно, что число и значимость отраслей-драйверов изменялись.

Таблица 4

Значение индекса IDGS, рассчитанного на основе данных о занятом населении Республики Беларусь за 2015–2020 гг.

Вид экономической деятельности	Отклонение долей занятого населения, п.п.				
	2015–2016 гг.	2016–2017 гг.	2017–2018 гг.	2018–2019 гг.	2019–2020 гг.
Сельское, лесное и рыбное хозяйство	0	0	-0,3	-0,6	0
Горнодобывающая промышленность	-0,1	0	0	0,1	0
Обработывающая промышленность	-0,4	0,1	0,3	0	-0,1
Снабжение электроэнергией, газом, паром, горячей водой и кондиционированным воздухом	-0,1	0,1	-0,1	0	0
Водоснабжение; сбор, обработка и удаление отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	0,2	0	0	-0,1	-0,1
Строительство	-0,8	-0,6	0	0	0,1
Оптовая и розничная торговля; ремонт автомобилей и мотоциклов	-0,1	-0,2	0	0,3	-0,1
Транспортная деятельность, складирование, почтовая и курьерская деятельность	0	0,2	0	-0,1	-0,2
Услуги по временному проживанию и питанию	0,1	0	0	0,1	-0,2
Информация и связь	0,1	0,2	0,2	0,3	0,3
Финансовая и страховая деятельность	-0,1	0	0	-0,1	-0,1
Операции с недвижимым имуществом	0,2	-0,2	-0,1	-0,1	0,1
Профессиональная научная и техническая деятельность	0,1	0,1	0	0,1	0,2
Деятельность в сфере административных и вспомогательных услуг	-0,2	0,2	0	0,1	0
Государственное управление	0,2	-0,1	0	0	0
Образование	0,3	0,1	0	0	0
Здравоохранение и социальные услуги	0,3	0,1	0,1	0,1	0
Творчество, спорт, развлечения и отдых	0,1	0	-0,2	0,1	0
Предоставление прочих видов услуг	0,2	0	0	0	0
Всего драйверов	10	8	3	8	4
В том числе в сфере услуг	9	6	2	7	3
Сумма значений драйверов	1,8	1,1	0,6	1,2	0,7
Индекс IDGS	0,18	0,13	0,2	0,15	0,18

Примечание. Значения выше нуля отмечены зеленым цветом.

Согласно результатам расчетов, значения индекса с 2015 по 2016 г. можно рассматривать как низкие, что означает несущественность структурных преобразований. Кроме того, рост количества драйверов в определенные годы не повлиял на рост индекса. Так, при наличии 10 драйверов в 2016 г. значение индекса 0,18 идентично значению 2020 г. при 4 драйверах, а в 2018 г. зафиксировано максимальное значение показателя 0,2 при 3 драйверах.

С одной стороны, уменьшение количества драйверов при относительной стабильности индекса означает, что каждый драйвер стал приносить более значимые результаты. С другой стороны, в случае неблагоприятного воздействия внешних факторов ухудшение значения хотя бы одного из них может привести к существенным негативным последствиям для экономики в целом.

Среди драйверов особенно значимой является сфера услуг (примерно 60% от общего числа драйверов ежегодно). Наиболее часто проявляли себя в качестве драйверов информационные услуги (2016–2020 гг.), профессиональная научная и техническая деятельность (2016, 2017, 2019, 2020 гг.), здравоохранение (2016, 2017, 2018, 2019 г.). Некоторые услуги (например, финансовая деятельность) не проявляли себя в качестве драйверов за рассматриваемый период.

Выявить особенности структурной трансформации позволяет применение еще одного методического подхода к анализу. В одной из своих работ С.В. Толкачев и Ю.В. Нормова применяют коэффициент вариации для определения степени неоднородности технологической структуры Республики Беларусь и Уральского федерального округа Российской Федерации в разрезе технологических укладов.

Описанный метод может быть применен для исследования структурной трансформации экономики Республики Беларусь – расчет межгрупповой, с общей дисперсией и коэффициентом вариации позволит оценить степень интенсивности и неоднородности развития определенных секторов экономики. Высокий коэффициент вариации может стать индикатором существенных структурных преобразований (Толкачев, Нормова, 2021).

Авторы берут за основу расчетов объем отгруженной продукции и рассматривают его в разрезе производств, относящихся к различным технологическим укладам. Поскольку объем отгруженной продукции представляет собой преобладающую часть выпуска товаров и услуг, а виды экономической деятельности в экономике могут быть отнесены к различным по своей традиционности секторам экономики, равно как и производства – к различным технологическим укладам, – в проведенном нами исследовании по использованию данного подхода объем отгруженной продукции заменен выпуском, а вместо технологических укладов рассмотрены сектора экономики.

Для анализа по данной методике рассчитаем следующие показатели:

1) межгрупповая дисперсия – по формуле (2):

$$\sigma = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^k (\bar{x}_i - \bar{x})^2 \cdot n_i}{\sum_{i=1}^k n_i}}, \quad (2)$$

где i – сектор экономики, \bar{x}_i – средний объем выпуска для каждого сектора экономики, \bar{x} – средний объем выпуска для всех секторов экономики, n_i – количество лет;

2) общая дисперсия – по формуле (3):

$$z = \frac{\sum_{i=1}^k (x_i - \bar{x})^2}{\sum_{i=1}^k n_i}, \quad (3)$$

где x_i – объем валового внутреннего продукта для каждого сектора экономики;

3) коэффициент вариации, представляющий собой отношение межгрупповой дисперсии к общей (4):

$$V = \frac{\sigma}{z} \times 100. \quad (4)$$

Коэффициент вариации принимает значения от 0 до 100. Чем меньше значение коэффициента вариации, тем более однородна структура. При показателе вариации, превосходящем 30%, совокупность принято считать неоднородной.

Для анализа взят 10-летний период с 2011 по 2020 г. включительно, что также обусловлено необходимостью рассмотрения структурных пре-

образований в период до пандемии COVID-19. Для сопоставления темпов структурных преобразований данный промежуток времени разделен на два равных периода: первый – с 2011 по 2015 г., второй – с 2016 по 2020 г. (табл. 5).

В обоих рассмотренных случаях значение коэффициента вариации невысоко, что означает достаточно высокую однородность совокупностей элементов структуры. Вместе с тем в период с 2011 по 2015 г. коэффициент вариации был более высоким, что указывает на большую разобщенность этой структуры. Снижение коэффициента вариации в 2016–2020 гг. может свидетельствовать о снижении темпа трансформационных изменений.

Для наглядности представим все промежуточные выводы в сводной табл. 6.

Итоги анализа не дают однозначного ответа о наличии существенных структурных преобразований в Республике Беларусь. Тем не менее заметны позитивные тенденции, характерные для трансформационных процессов в экономике, а именно: усиление перетока ресурсов из первичного и вторичного секторов экономики в третичный, ускорение развития сферы услуг и высокотехнологичных отраслей, повышение производительности труда.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

- в Республике Беларусь в последние два десятилетия наблюдаются черты структурной трансформации экономики: в экономике заметно усиливается переток ресурсов и факторов производства в высокотехнологичные и наукоемкие

Таблица 5

Расчет степени интенсивности и неоднородности развития секторов экономики Республики Беларусь

Показатель / Сектор экономики	2011–2015 гг.		2016–2020 гг.	
	Общий выпуск, млрд руб.*	Средний выпуск, млрд руб.*	Общий выпуск, млн руб.	Средний выпуск, млн руб.
Первичный сектор	607 583,0	121 516,6	112 901,1	22 580,2
Вторичный сектор	3 594 194,4	718 838,9	600 015,1	120 003,0
Третичный сектор	2 164 058,6	432 811,7	451 482,1	90 296,4
Средний выпуск для всех секторов экономики	424 389,1		77 626,5	
Общая дисперсия	82 830 475 676,0		1 835 110 119,00	
Межгрупповая дисперсия для секторов экономики	21 958 534 958,0		216 229 336,90	
Коэффициент вариации	26,5		11,78	

* В ценах до деноминации белорусского рубля 01.07.2016 г.

Таблица 6

Результаты анализа структурной трансформации экономики Республики Беларусь

Индикатор	Выводы
Увеличение доли ВДС	С 2015 г. – явное увеличение доли третичного сектора при одновременном уменьшении вторичного. Драйверы – услуги торговли, услуги по операциям с недвижимостью, информация и связь. С 2021 г. наблюдается снижение доли ВДС и в сфере услуг
Увеличение доли численности занятого населения	С 2015 г. – осязаемое увеличение доли третичного сектора при одновременном уменьшении доли вторичного. Драйверы – услуги торговли, творчества (спорта, развлечений, отдыха), образование и здравоохранение. С 2021 г. наблюдается снижение сферы услуг в третичном секторе
Рост инвестиций в основной капитал, в том числе в третичном секторе по отраслям в сфере услуг	Увеличение доли первичного сектора при плавном снижении вторичного и третичного. Драйверы в сфере услуг – транспорт и услуги по временному проживанию и питанию
Повышение производительности труда	Снижение показателя в целом по экономике со 107,5% в 2011 г. до 97,3% в 2015 г. и увеличение до 99,8% в 2020 г. Производительность труда растет преимущественно за счет изменений валовой добавленной стоимости
Индекс IDGS	Несмотря на наличие драйверов в каждом году, значение коэффициентов не превышает 20% с 2015 по 2020 г. Структурные преобразования незначительны. Среди неизменных драйверов – информационные услуги, профессиональная научная и техническая деятельность, здравоохранение
Коэффициент вариации	Снижение коэффициента, значения показателей ниже нормативных. Трансформационные процессы заторможены

отрасли третичного сектора, в развитие информационно-коммуникационных, деловых и других прогрессивных видов услуг;

- с 2015 г. отмечается явное увеличение доли третичного сектора в ВДС и занятости населения при одновременном уменьшении вторичного сектора национальной экономики. Это свидетельствует о позитивных структурных преобразованиях и стремлении экономики к сервисно ориентированной модели. Снижение доли услуг в данных индикаторах структурной трансформации в 2021 г. вызвано внешними факторами (пандемия COVID-19 и санкции западных стран на различные виды деятельности), устранение которых позволит вернуть экономику страны на траекторию развития, предусмотренную Национальной стратегией устойчивого развития Республики Беларусь на долгосрочную перспективу;

- специальные показатели, рассчитанные нами на основе зарубежных методик, также не достигают оптимальных значений, однако это свидетельствует не об отсутствии структурных изменений, а о невысокой скорости преобразований;

- детерминирующие факторы, выявленные при изучении структурных преобразований в экономике Республики Беларусь, проявлялись по-разному. Наиболее четко прямое воздействие их зафиксировано через индикаторы (показатели) увеличения доли валовой добавленной стоимости и рост занятых в секторах и отраслях экономики, а рост инвестиций в основной капитал и повышение производительности труда проявились слабо. Данное обстоятельство можно отнести к основным особенностям трансформационных процессов в экономике Республики Беларусь, что должно быть учтено при построении отраслевых моделей развития экономики в условиях структурной трансформации.

Результаты проведенного исследования отличительных особенностей структурной трансформации экономики Беларуси могут быть использованы при разработке стратегий и долгосрочных прогнозов социально-экономического развития страны и отдельных отраслей.

ЛИТЕРАТУРА

Артемова О.В., Кострюкова Л.А. 2007. Структурная трансформация российской экономики: отраслевой аспект. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент.* Вып. 4. С. 3–7.

Гасанов М.А. 2012. *Структурные сдвиги в условиях трансформации экономики России и становления инновационного типа развития: автореферат диссертации ... доктора экономических наук: 08.00.01.* Национальный исследовательский Томский государственный университет. 39 с.

Овсянникова Т.А. 2019. Направления и результаты трансформации сферы услуг в современной экономике. *Теория и практика эффективности государственного муниципального управления.* Материалы конференции. Курск, 29 марта 2019 г. Юго-Западный государственный университет. С. 272–276.

Перепелкин В.А. 2009. Теория анализа структуры национальной и мировой экономики. *Беларусь и мировые экономические процессы.* Сборник научных статей. Выпуск 5. С. 37–47.

Сухарев О. 2012. К разработке комплексной методики анализа структурных сдвигов. *Инвестиции в России.* №12. С. 36–42.

Толкачев С.И., Нормова Ю.В. 2021. Сравнительный структурно-отраслевой анализ обрабатывающих отраслей промышленности Беларуси и России. *Белорусский экономический журнал.* №4. С. 113–123

Топольский Р.А. 2015. Структурные диспропорции как угроза экономической безопасности государства. *Социально-экономические явления и процессы.* № 6. С. 106–113.

Шкаратан О.И., Иняевский С.А. 2007. *Классификация отраслей экономики как инструмент анализа тенденций ее трансформации.* Москва: ГУ ВШЭ. 17 с.

Duarte M., Restuccia D. 2010. The Role of the Structural Transformation in Aggregate Productivity. *The Quarterly Journal of Economics.* Vol. 125. Pp. 129–173.

McMillan M., Rodrik D., Verduzco-Gallo I. 2014. Globalization, Structural Change, and Productivity Growth, with an Update on Africa. *World Development.* Vol. 63. Pp. 11–32.

Page J., Shimeles A. 2014. *Aid, Employment, and Poverty Reduction in Africa.* Helsinki, UNU WIDER. 26 pp.

Статья поступила 17.07.2023 г.

ПРИНЦИПЫ РАЗВИТИЯ ДЕЛОВЫХ УСЛУГ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Шаграй П.С.

В условиях ограниченности производственных ресурсов ключевым фактором роста мировой экономики в настоящее время является повышение эффективности их использования. Обострение геополитической ситуации негативно сказывается на многих сферах общественного производства, в первую очередь из-за усложнившейся логистики и экономического противостояния на мировой арене. Эти факторы побуждают национальные хозяйствующие системы искать другие точки роста, способные не только восполнить утраченную из-за экономико-политических пертурбаций выгоду, но и существенно развить имеющийся экономический потенциал.

Одним из наиболее важных и перспективных направлений развития экономических систем является формирование высококонкурентного, соответствующего современным вызовам сектора деловых услуг. Деловые услуги, в интерпретации Селюто С.И., понимаются как специфическая форма услуг по разработке и реализации решений, приводящих к повышению эффективности различных сторон хозяйственной деятельности потребителя на основе применения отдельных научных и профессиональных знаний (Селюто, 2015). Их ценность заключается в том, что они оказывают на экономику как прямое положительное влияние (развитие сектора услуг, цифровизация экономики, рост валовой добавленной стоимости и объемов экспорта услуг), так и косвенное, обеспечивая благодаря внедрению инновационных продуктов в традиционные сектора экономики повышение эффективности их работы.

В любом виде экономической деятельности высокая результативность может быть достигнута только за счет внедрения эффективных иннова-

ционных технологий. При этом на первый план выходит индустрия современных деловых услуг, поэтому инновационный, инвестиционный, технологический менеджмент и консалтинг услуг в области высоких технологий, разработки и внедрения научных достижений в реальный сектор экономики приобретают максимальную актуальность. Использование опыта формирования сектора деловых услуг, которые в экономически развитых странах являются одним из основных драйверов экономического роста и инновационного развития, благоприятно отражается на конкурентоспособности белорусских промышленных предприятий различного профиля.

Увеличение роли деловых услуг в мировой экономике подтверждается конкретными цифрами. В мае 2023 г. ЮНКТАД опубликовала отчет о совещании экспертов организации, посвященный торговле, услугам и развитию. В нем по данным за 2019 г. анализируется структура международной торговли услугами, в которой деловые услуги занимают второе место (25% международной торговли услугами), уступая лишь 1% туристическим услугам. При этом в развитых

ОБ АВТОРЕ

ШАГРАЙ
Павел Сергеевич
(Shahrai.pavel@mail.ru),
младший научный сотрудник
НИЭИ Министерства экономики
Республики Беларусь
(г. Минск, Беларусь).

Сфера научных интересов:
транспорт, деловые услуги,
управление народным
хозяйством.

странах доля экспорта бизнес-услуг в общей стоимости экспорта услуг характеризуется самым высоким значением, немногим менее 25%¹ (Томкович, Шаграй, 2022).

Придание импульса развитию сектора деловых услуг в Беларуси приобретает еще большую ценность в условиях санкционного давления со стороны стран, являющихся основными поставщиками таких услуг. В первую очередь к ним относятся страны ЕС и США. Без услуг для бизнеса дальнейшее повышение эффективности работы промышленного сектора существенно замедлится. Своевременным и целесообразным ответом на современные вызовы видится инициатива Министерства экономики Республики Беларусь по созданию совместного с Россией специализированного финансового центра². Суть данного проекта в том, чтобы все результаты научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, технологии, ноу-хау и другие продукты интеллектуальной собственности были систематизированы, сконцентрированы на единой площадке и доступны на рынке интеллектуальных услуг.

Научное сообщество солидарно с императивом ускоренного развития деловых услуг, являющегося наиболее важным фактором экономического роста. В работе белорусского исследователя Б.Н. Паньшина деловые услуги характеризуются как одно из важнейших направлений качественной эволюции национальной экономики Беларуси, основанной на инновациях и развитии человеческого потенциала (Паньшин, 2014. С. 46). С аналогичной точки зрения деловые услуги рассматриваются в работах Мамедова О.Ю. (2008), Miozzo M. (2016), Левитина С.А. (2014), Hamburg I. (2002) и многих других.

Обобщая вышеизложенное, можно констатировать, что формирование конкурентного сектора деловых услуг является насущным и требующим существенной интенсификации своего

решения вопросом. Однако для успешной реализации данной задачи необходимо обеспечить теоретическую основу организации функционирования сферы деловых услуг. Важную роль в теоретическом базисе механизма развития сферы деловых услуг играет система принципов организации процесса. Следует признать недостаточность научных исследований по указанной проблематике для формирования единого подхода к интерпретации принципов функционирования данного сектора, что предопределяет необходимость углубления их теоретической разработки.

Принципы являются фундаментом, на котором строится здание экономической реальности. От обоснованности структуры и реализации содержания совокупности принципов зависит успех в решении любой проблемы. Первоочередной задачей выступает идентификация семантики и содержания понятия научного принципа. Дефиниции принципов разрабатывались многими исследователями на протяжении длительного времени. К ним относятся Суворов О.В.³, Бушуева Т.Н. (2015) и Безлепкина Е.А. (2015). На основании изученных вариаций определения принципов можно констатировать, что в контексте совершенствования сектора деловых услуг принципами его формирования следует считать совокупность правил, основных положений и норм, которым должны следовать экономические субъекты и управляющая система в процессе целенаправленного формирования развитого комплекса деловых услуг.

Принципы развития сектора деловых услуг

Принципы развития деловых услуг можно разделить на две группы по критерию их применимости к другим экономическим системам, а именно: общие (принципы, которые характеризуют необходимые условия для развития любой экономической системы, в том числе сферу деловых услуг) и специфические (устанавливающие уникальные нормы и правила развития комплекса бизнес-услуг, связанные с особенностями функционирования сферы деятельности).

³ Понятие принципа. 2010. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHd07841269cc1c42c74c0d0>.

В общем плане совокупность принципов развития сектора деловых услуг можно представить в виде следующей схемы (см. рисунок).

Общие принципы развития сферы деловых услуг устанавливают приведенные ниже нормы и положения.

Принцип целеполагания обеспечивает ориентацию процесса развития деловых услуг на достижение главной цели, которая определяет его работу в целом, а также фокусирует функционирование всех его элементов, связей и процессов на достижение этой цели. При этом, безусловно, у сектора деловых услуг может быть не одна цель, а много подцелей низшего ранга, но все они в совокупности должны быть подчинены одной главной цели, соответствующей тем задачам, для решения которых происходит формирование и стимулирование развития всего комплекса деловых услуг. Главная цель совершенствования сферы деловых услуг – выработка действенных решений, внедрение которых позволит с наибольшей эффективностью оказывать деловые услуги и внедрять их результаты в промышленный и другие сектора экономики, повышая производительность труда. В то же время у сектора деловых услуг среди целей первого уровня, согласующихся с главной, но являющихся самостоятельными, имеются такие цели, как импортозамещение бизнес-услуг и профессиональная подготовка кадров знание-емкой деятельности.

Импортозамещение деловых услуг является важным мотивом развития сектора бизнес-услуг для государства. Несмотря на то, что большинство видов экономической деятельности, входящих к данный сектор, имеют трансграничный характер (т.е. деловые услуги производятся далеко не всегда непосредственно в месте их последующего приложения), геополитические тенденции 2022 г. явно указывают на несовершенство межгосударственного механизма интеграции и производственной кооперации предприятий любого профиля по развитию импортозамещающих производств.

Очевидным преимуществом развития комплекса бизнес-услуг является подготовка высококвалифицированных работников знание-емких отраслей. Так, компании, специализирующиеся именно на деловом сервисе, способны предоставить своим сотрудникам больше возможностей для повышения профессиональных навыков. Сюда следует отнести и работу в интеллектуальной среде, где генерируются идеи и новые знания, и более высокий уровень информационного, программного обеспечения, и конкуренцию, стимулирующую работающих к получению должного уровня подготовки.

Комплексность развития сектора деловых услуг проявляется в обеспечении системного подхода к выработке методической базы оценки влияния сектора на экономику страны в целом и выработке единой стратегии разви-

Рис. Принципы развития сферы деловых услуг

Источник: авторская разработка на основе данных (Безлепкин, 2014. С. 17–18).

тия комплекса деловых услуг. Комплексность понимается как полнота, системность, взаимосвязанность всех элементов экономической системы с окружающей средой. Принцип комплексности проявляется во всестороннем прогрессивном развитии всех элементов сферы деловых услуг как социально-экономической системы во взаимосвязи с окружающей средой, что требует функциональной, «внешней» целостности объектов, приемов, методов для достижения запланированного результата (Бакулина, 2011. С. 172). Взаимосвязь принимаемых мер с уже действующими предполагает, что таким образом регуляторная деятельность будет направлена на избежание появления противоречивых норм и решений, которые могли существовать до этого и их необходимо убрать, а новые формулировки и положения не будут порождать противоречий в будущем.

Принцип динамизма характеризует процесс развития сектора деловых услуг как адаптивный механизм, в котором происходят изменения под воздействием факторов внешней и внутренней среды, ресурсного и финансового потенциала. Однако, изменяясь, механизм совершенствования комплекса деловых услуг и сам влияет на эволюцию внешних условий. Эволюция внешней среды включает актуализацию нормативно-правового и программно-аппаратного обеспечения, а также экономические меры регулирования. Таким образом, происходит изменение как в механизме управления развитием комплекса деловых услуг, так и в структуре регулируемой системы. В связи с этим необходимо выстраивание системы подготовки управленческого кадрового состава, совершенствование программ обучения специалистов и адаптация внутренних и внешних условий функционирования субъектов сферы бизнес-услуг в соответствии с приоритетностью задач национальной экономики.

Динамизм управления развитием сферы деловых услуг осуществляется посредством применения адаптивных методов менеджмента. Одним из них является реализация прогнозно-адаптивной модели управления, основанной на определении целевых показателей деятельности в будущем периоде по результатам прогнозиро-

вания развития рынка с использованием экономико-математических и имитационных моделей. При прогнозно-адаптивном управлении внешние факторы анализируются до того, как получен результат управленческой деятельности по совершенствованию сферы деловых услуг. При этом блок управления получает информацию об изменении значения фактора одновременно с управляемым объектом или при наличии прогноза – даже раньше, а затем принимаются меры по нейтрализации его влияния (отрицательная связь), либо по согласованию мер для увеличения его положительного эффекта (Литвиненко, 2015. С.36).

Принцип регуляторной включенности при совершенствовании сектора деловых услуг позволяет отразить интересы всех участников рынка деловых услуг, ведь результаты его работы интересуют не только компании производителей бизнес-услуг, но и участников внешней среды, а именно заказчиков, государство и общество. В связи с этим все виды деятельности, включенные в сектор, должны участвовать в экономической, политической и социальной сферах посредством организации структур, представляющих интересы комплекса деловых услуг. Они могут иметь форму ассоциации или быть полноценным подразделением органа государственного управления. Это позволит координировать работу сектора и его компонентов с потребностями экономики и общества, а также защищать свои собственные интересы.

Принцип конкурентности. Его суть в том, что только в конкурентной среде, где субъекты рынка деловых услуг не только включаются в борьбу за потребителя, но и обмениваются знаниями и опытом, сфера бизнес-услуг способна взять на себя функции основного драйвера экономического развития. Создание условий для конкурентности субъектов комплекса деловых услуг и повышения их конкурентоспособности является важным аспектом при разработке стратегии управления развитием этой сферы. Механизмом реализации выступает снижение бюрократических барьеров для открытия и ликвидации организаций, повышение качества и увеличение количества специалистов, задействованных в секторе услуг.

Принцип синергетичности. Синергетический эффект служит результатом перекрестного влияния деловых услуг на их развитие. Обладая свойством инновационности, они проникают и в другие виды деятельности, включаемые в сектор, повышая таким образом их эффективность. Например, развитие компьютерных услуг стимулирует качественную эволюцию управленческих услуг или научно-исследовательской деятельности. В то же время деятельность в области бухгалтерского учета и права влияет на тот же управленческий консалтинг или другие категории бизнес-услуг.

Принцип оптимизации регулирования. Данный принцип означает, что функции организации, контроля и мотивации в отношении организаций сферы деловых услуг должны быть распределены между органами власти, общественными объединениями и ассоциациями таким образом, чтобы исключить дублирование, оптимизировать их число и расходы на управление, повысить оперативность реакции на изменения во внешней среде, а в конечном счете – способствовать повышению степени удовлетворенности всех участников рынка деловых услуг.

Специфические принципы развития комплекса деловых услуг основаны на отличительных особенностях данной сферы, которые необходимо учитывать при разработке соответствующих программных документов. К этой категории относится *принцип информационной связности*. Он заключается в том, что в секторе бизнес-услуг предметом труда выступает информация, и обеспечение сектора сообразной информационной инфраструктурой является важнейшим фактором его функционирования. Для этого необходимо принять соответствующие меры по формированию специализированных банков и баз данных, обеспечению сохранности информации и установлению требований ее точности и надежности.

Принцип инновационности. Суть данного принципа заключается в том, что на современном этапе оказание деловых услуг требует соблюдения критериев высокой скорости и соответствующего качества ввиду их временной релевантности и оптимизационной функциональности. Выполнение данных критериев со-

пряжено с характеристиками имеющихся каналов связи, актуальностью нормативно-правовой базы и возможностями средств труда. Совершенствование всех этих элементов требует не только инновационных подходов к управлению комплексом бизнес-услуг, но и разработок в области телекоммуникационного оборудования, программного обеспечения и специализированного оборудования.

Принцип пространственной децентрализации. Многие промышленные или сельскохозяйственные организации располагаются в соответствии с экономической целесообразностью локализации, будь то более дешевые и доступные ресурсы или близость к конечному потребителю. Оказание же деловых услуг в большинстве случаев не требует физической привязанности к конкретному месту, что создает возможность для диверсификации как экономической активности по территории страны, так и рабочей силы. Таким образом, на основе принципа пространственной децентрализации комплекса деловых услуг возможно придать дополнительный импульс для развития регионов, а также в определенной степени уменьшить дальнейшую концентрацию экономической активности и рост населения в Минске.

Принцип поддержки предприятий в использовании деловых услуг. Одной из основных проблем развития деловых услуг в Беларуси является неготовность предприятий, являющихся основными потребителями на рынке бизнес-услуг, расходовать средства на их приобретение в условиях малых финансовых возможностей, причина которых – низкая эффективность производства. Так образуется замкнутый круг: низкая эффективность работы предприятий не позволяет пользоваться деловыми услугами, которые призваны повышать показатели эффективности работы. Для разрыва этого круга необходима инициатива со стороны органов государственного управления с учетом того, что доля государственного сектора в промышленном производстве страны превышает 70%. В связи с этим стимулирование организаций к использованию деловых услуг должно стать необходимым условием развития данного сектора.

Принцип инвестиционного развития. Сектор деловых услуг является знаниеемким и пре-

имущественно инновационно-инвестиционно направленным. Поскольку производимые им услуги, по сути, и являются решением для повышения эффективности производственной деятельности, требуется привлечение специалистов соответствующего уровня, а также материально-техническое обеспечение высокого качества. Актуальность разработки новых идей, позволяющих увеличивать производительность труда, во всем мире обеспечивает производителям бизнес-услуг широкие инвестиционные возможности для удовлетворения кадровых и инфраструктурных потребностей, предоставляемых самими же предприятиями традиционных секторов (и не только), заинтересованными в результативности сектора деловых услуг. В связи с этим важным элементом механизма развития сферы бизнес-услуг так же, как и в экономике в целом, является создание благоприятного инвестиционного климата в стране.

Принцип интернационализации. Как отмечено выше, наибольшее развитие сфера деловых услуг получила в экономически развитых странах – таких как США, «Азиатские тигры», страны Европейского союза. По этой причине важным направлением развития данной сферы в Беларуси видится создание условий для работы зарубежных компаний на национальном рынке бизнес-услуг и активизация усилий по реализации доступа белорусских компаний к зарубежным рынкам. В рамках переговоров Беларуси о присоединении к ВТО данный вопрос был одним из основных в числе направлений сотрудничества белорусской стороны и стран-участниц организации. Это свидетельствует об актуальности достижения прогресса в области международного сотрудничества в сфере деловых услуг, что поможет не только получить доступ к передовым технологиям и методикам работы, но и улучшить имидж национальной экономики перед мировым сообществом.

Принцип инклюзивности. Современный сектор деловых услуг должен соответствовать принципу инклюзивности и быть основным драйвером оказания поддержки людям с огра-

ниченными возможностями в полноценном участии на рынке труда. Благодаря возможности предоставления деловых услуг клиентам удаленно, многие люди с нарушением опорно-двигательного аппарата могут реализовать свои трудовые амбиции через аутсорсинговую модель работы компаний сектора деловых услуг. Это будет иметь как социальный, так и экономический эффект и для государства, и для населения.

Принцип развития малого и среднего бизнеса. По итогам 2021 г. доля валовой добавленной стоимости субъектов МСП в общей ее величине в Беларуси составила 30,5%, в то время как во многих развитых странах этот показатель превышает 50%. Развитие деловых услуг – один из возможных факторов повышения участия МСП в экономике страны. Это объясняется тем, что финансовый барьер входа на рынок бизнес-услуг существенно ниже, чем на рынок производства промышленной или сельскохозяйственной продукции. Если для организации производственной деятельности необходимо покрывать существенные издержки, связанные с содержанием земли (покупкой или арендой), энергозатратами или приобретением средств и предметов производства, то для оказания деловых услуг минимально необходимым ресурсом является компьютер и доступ к интернету, что сопряжено с предоставлением МСП наиболее благоприятного доступа к работе в данном секторе экономики.

Рассмотренные принципы развития сферы деловых услуг представляются стратегическим набором характеристик управленческой деятельности, необходимым для успешного выполнения задачи по оптимальному развитию комплекса бизнес-услуг в Беларуси. Сформированный научный базис, на наш взгляд, будет содействовать выявлению «узких мест» в современной экономике Беларуси, препятствующих поступательному развитию исследуемого комплекса услуг, а также обоснованию механизма организации данного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

Бакулина М.С. 2011. Системный и комплексный подходы: сходство и различие. *Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева*. № 2. С. 168–173.

Безлепкин Е.А. 2014. Понятие принципа в методологии науки и физике. *Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина*. №3. С. 73–82.

Бушуева Т.Н. 2015. Принципы формирования экономики знаний. *Вестник Челябинского государственного университета*. № 8 (363). Серия: Экономика. Вып. 48. С. 14–20.

Левитин С.А., Ипатьева С.В. 2014. Деловые услуги как инструмент инновационной деятельности в развитии бизнес-систем. *Вестник Российской академии естественных наук (Санкт-Петербург)*. № 2. С. 35–36.

Литвиненко И.Л. 2015. Адаптивность как ключевой принцип управления региональной экономической системой. *Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Серия: Экономика*. № 3. С. 34–39.

Мамедов О.Ю. 2008. Развитие сектора деловых услуг как инновационный императив динамики

сферы обслуживания. *Экономический вестник Ростовского государственного университета*. Т. 6. № 3–3. С. 75–78.

Паньшин Б.Н. 2014. Интеллектуализация деловых услуг как основной фактор формирования «новой экономики». *Наука и инновации*. Научно-практический журнал. Минск: Национальная академия наук Беларуси. №9. С. 45–48.

Селюто С.И. 2015. *Особенности рынка деловых интеллектуальных услуг в странах ЕС*. Диссертация кандидата экономических наук: 08.00.14. Москва. 184 с.

Томкович М.П., Шаграй П.С. 2022. Деловые услуги: идентификация содержания и структуры нового сегмента экономики Беларуси. *Экономический бюллетень Научно-исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь*. № 11(305). С. 4–10.

Hamburg I. 2002. *Impacts of information technology use in business support agencies services* Rehfeld D., Widmaier B. IFAC Proceedings Volumes. V.3 5, I. 1. Pp. 361–365.

Miozzo M. 2016. *Innovation collaboration and appropriability by knowledge-intensive business services firms* Desyllas P., Lee H., Miles I. Research Policy. V.45, I.7. Pp. 1337–1351.

Статья поступила 23.06.2023 г.

РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ РАЗВИТИЯ ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКИХ УСЛУГ КНР-БЕЛАРУСЬ-ЕВРОПА

Вашило А.А., Туровец А.М.

Ряд белорусских ученых активно разрабатывает оптимальные решения в процессе формирования транспортно-логистической системы Республики Беларусь (В.Г. Булавко, Н.Г. Никитенко, И.А. Еловой); анализирует международный опыт функционирования логистических центров в контексте организации интегрированных цепей поставок (А.Д. Молокович, И.И. Полещук); исследует возможности транзитного потенциала национальной экономики (Р.Б. Ивуть, А.С. Зиневич). Цель данной статьи – рассмотреть региональный аспект развития транспортно-логистических услуг КНР-Беларусь-Европа. Актуальность исследования обоснована высоким уровнем развития белорусско-китайских отношений и важностью реализации инфраструктурных проектов в сфере транспорта и логистики для национальных экономик.

Основой реализации китайской инициативы «Один пояс, один путь» является широкое использование потенциала существующих и перспективных экономических коридоров, которые охватывают нефте- и газопроводы, транспортные авиа-, авто- и железнодорожные маршруты, складские комплексы, вкуче создающие совместные цепочки добавленной стоимости.

Наибольшую активность в межрегиональном сотрудничестве с областями Беларуси проявляют провинции Аньхой, Гуандун, Хэйлуцзян, Цзянсу, Шаньдун и ряд других. Особенно важными для развития контейнерных перевозок между Китайской Народной Республикой и Беларусью являются такие регионы КНР, как Сычуань, Хубэй, Хэнань, Шэньси, Ганьсу и Шаньдун, поскольку именно через них проходят железнодорожные пути в рамках инфраструктурной инициативы «Один пояс, один путь».

В 2022 г. общий объем торговли товарами Китая достиг 6,31 трлн долл. США¹. Данные об объемах внешней торговли исследуемых регионов и их доля в общем объеме внешней торговли Китайской Народной Республики приведены в табл. 1.

В 2022 г. общий объем экспорта в КНР достиг 3,59 трлн долл. США. Региональная структура экспорта исследуемых регионов Китая в общем объеме экспорта Китайской Народной Республики представлена в табл. 2.

¹ Торговля Китайской Народной Республики за 2022 г. URL: <http://images.mofcom.gov.cn/tjxh/202305/20230515153444236.pdf>.

ОБ АВТОРАХ

ВАШИЛО
Анна Александровна
(vashchylahanna@gmail.com),
старший преподаватель
Института бизнеса БГУ
(г. Минск, Беларусь).

Сфера научных интересов:
транспортно-логистические
услуги, геоэкономика,
Шелковый путь.

ТУРОВЕЦ
Александр Михайлович,
старший преподаватель
Института бизнеса БГУ
(г. Минск, Беларусь).

Сфера научных интересов:
логистика, транспортно-
логистические центры,
информационные системы.

Таблица 1

Региональная структура внешней торговли Китая в общем объеме внешней торговли КНР

Регион	Доля региона в общем объеме внешней торговли Китая, %		Объем внешней торговли региона, млн долл. США	
	2021 г.	2022 г.	2021 г.	2022 г.
Сычуань	1,48	2,00	117,6	122,7
Хубэй	0,74	1,00	75,6	78,9
Хэнань	2,22	3,00	176,5	184,1
Шэньси	5,18	7,00	67,2	70,1
Ганьсу	0,05	0,07	4,2	4,4
Шаньдун	6,65	9,00	546,2	569,7
Итого	16,3%	22,1%	987,3	1029,9

Источник: здесь и далее весь иллюстративный материал в статье является авторской разработкой на основе данных: URL: <http://images.mofcom.gov.cn/tjxh/202305/20230515153444236.pdf>.

Таблица 2

Региональная структура экспорта товаров в общем объеме экспорта КНР

Регион	Доля региона в общем объеме экспорта Китая, %		Объем экспорта продукции региона, млн долл. США	
	2021 г.	2022 г.	2021 г.	2022 г.
Сычуань	0,91	1,25	33,6	34
Хубэй	0,61	0,83	22,4	22,7
Хэнань	0,96	1,32	35,5	35,9
Шэньси	0,61	0,83	22,4	22,7
Ганьсу	0,15	0,21	5,6	5,7
Шаньдун	5,17	7,08%	191	192,7
Итого	8,42%	11,52%	310,5	313,7

В 2022 г. общий объем импорта товаров и услуг в КНР достиг 2,72 трлн долл. США. В табл. 3 представлена региональная структура импорта продукции исследуемых регионов в общем объеме импорта КНР.

Согласно приведенным на рис. 1 сравнительным данным об участии регионов КНР в международном сотрудничестве и развитии белорусско-китайских отношений, лидируют по доле экспорта и импорта в общем объеме внешней

торговли Китайской Народной Республики Шаньдун и Сычуань. Наименьшую долю экспорта и импорта в общем объеме внешней торговли Китая занимает регион Ганьсу.

С начала распространения пандемии COVID-19 перемещение многих перевозимых морем и по воздуху грузов было заменено перевозками железнодорожным транспортом. В период пандемии в 2020 г. железнодорожный состав Китай – Европа (Чунцин – Синьцзян –

Таблица 3

Региональная структура импорта товаров в общем объеме импорта КНР

Регион	Доля региона в общем объеме импорта КНР, %		Объем импорта продукции, млн долл. США	
	2021 г.	2022 г.	2021 г.	2022 г.
Сычуань	1,42	1,94	65,3	69,8
Хубэй	0,91	1,25	42	44,9
Хэнань	2,13	2,92	98	104,7
Шэньси	0,81	1,11	37	39,9
Ганьсу	0,05	0,07	2,3	2,5
Шаньдун	4,36	5,97	200,7	214,4
Итого	9,68%	13,26%	445,3	476,2

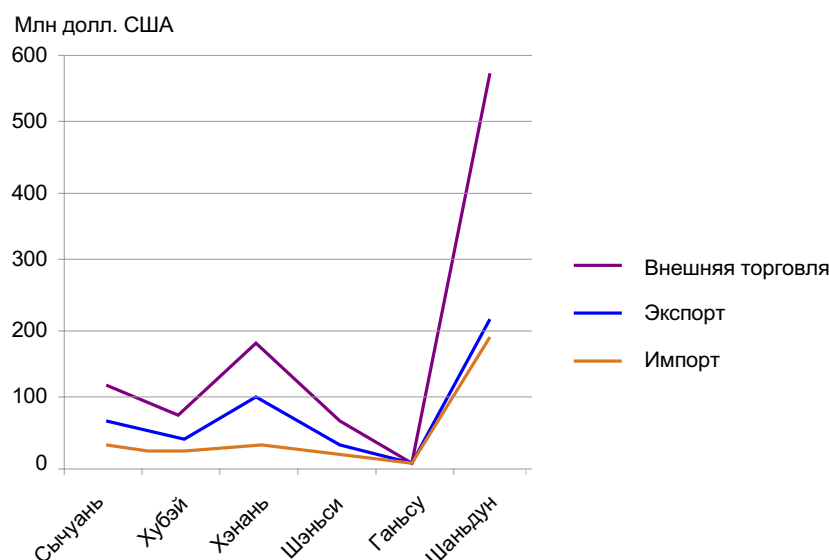

Рис. 1. Сравнение доли экспорта и импорта в общем объеме внешней торговли Китая по выбранным регионам за 2022 г.

Европа) стал «дорогой жизни» для перевозки грузов международного следования для предотвращения эпидемий в китайских провинциях (Ивуть, Зиневич, 2022).

Инфраструктурная сопряженность является приоритетным направлением в деле совместной реализации инициативы «Один пояс, один путь». Китайская Народная Республика активно работает над повышением класса эксплуатации железнодорожных составов Китай – Европа. Китай занимает третье место в мире после США и стран Европейского союза по размеру рынка транспортно-логистических услуг (18,7% мирового рынка) (Булко, 2022).

На линии составов Чунцин – Синьцзян – Европа был запущен специализированный состав для трансграничной электронной коммерции. Введению новой модели перевозок в этих целях способствовало сотрудничеству между странами, расположенными вдоль маршрута «Один пояс, один путь»; увеличился также выбор источников товаров для обратного пути такого железнодорожного состава.

Поддержка электронной торговли в Китае осуществляется на государственном уровне. В КНР действуют стимулы и меры по поддержке электронной коммерции в зарубежных странах, направленные на экспансию китайских агентов электрон-

ной торговли на мировом рынке, включая открытие распределительных центров, точек вывоза товаров, шоу-румов, развитие логистических платформ и дистрибьюторских сетей, а также создание торговых альянсов между ведущими китайскими и зарубежными игроками онлайн-торговли. Белорусские транспортно-логистические операторы и компании могли бы получать дополнительную прибыль, включаясь в цепи поставок крупнейших мировых интернет-магазинов, прежде всего китайских. Важной современной тенденцией в развитии логистики является увеличение доли прямых экспресс-поставок от производителя до конечного потребителя, минуя посредников и промежуточное хранение на складах.

Китайско-европейский экспресс Чунцин – Синьцзян – Европа уже стал важным логистическим узлом и инструментом для открытого нагорья западной части Китая. С его формированием появилась возможность у логистических и транспортных компаний г. Чунцина интегрироваться в инициативу «Один пояс, один путь». Следует отметить, что в Китае субсидируют экспортные железнодорожные перевозки. Данное субсидирование является децентрализованным и осуществляется только администрациями провинций и городов центрального подчинения в отношении экспортных трансконтинентальных

железнодорожных маршрутов. В КНР каждая провинция сама решает, какой объем субсидий следует выделить на поддержку экспорта. В первую очередь в субсидиях заинтересованы провинции и города Центрального Китая (Чунцин, Сычуань, Хубэй, Хэнань), географические удаленные от портов. Фактически такое субсидирование «обнуляет» провозную плату по китайской территории (Булко, 2022). Таким образом, компенсация логистических затрат увеличивает привлекательность китайских товаров на зарубежных рынках и поддерживает производство в центральных провинциях КНР. Проводимая властями ряда китайских провинций политика субсидирования значительно влияет на экономику международных контейнерных перевозок, а действующие тарифы обеспечивают быстрый рост рынка экспортных контейнерных железнодорожных перевозок.

Китайская провинция Хэнань в полной мере использует преимущества центра консолидации китайско-европейского экспресса, при этом расширяя и наращивая свои возможности в создании международных логистических коридоров для открытия внешнего мира. Подвижной состав и железные дороги в стране принадлежат государству. Китайское правительство само выбирает в каждой провинции компанию-платформу и выделяет ей субсидии для железнодорожных отправок. Формирование железнодорожного состава происходит на станции, которая также определяется государством.

АО «Объединенная транспортно-логистическая компания – Евразийский железнодорожный альянс» (ОТЛК ЕРА) является оператором транзитных контейнерных сервисов между Китаем и Европой по евразийскому маршруту, пролегающему через Республику Казахстан, Российскую Федерацию и Республику Беларусь.

Китайская провинция Шэньси продолжает наращивать усилия по продвижению строительства центра консолидации китайско-европейского экспресса и стремится сформировать важный торгово-логистический узел инициативы «Один пояс, один путь». С появлением китайско-европейского экспресса «Тяньма» китайской провинции Ганьсу был создан новый удобный канал для развития торговых связей между Ганьсу и Евро-

пой. Использование специализированных контейнеров и кузовов для химических и минеральных грузов, рефрижераторных контейнеров для транспортировки продуктов питания и продовольственных товаров является перспективным направлением развития международных грузоперевозок.

В рамках развития железнодорожных грузовых перевозок Китай – Европа запущен маршрут, соединяющий портовый город Циндао в провинции Шаньдун на востоке Китая и столицу Республики Беларусь г. Минск. Данный маршрут стал частью сети мультимодальных перевозок китайского города Циндао, из которого открыты маршруты смешанных перевозок. Они связывают Китай с Центральной Азией, Монголией и Европой. В перспективе экономический центр Циндао станет международным интегрированным логистическим узлом, который соединит Центральную Азию и Европу на западе, Южную Азию и страны Ассоциации государств Юго-Восточной Азии на юге, а также Японию, Республику Корея и Азиатско-Тихоокеанский регион на востоке.

Следует отметить, что китайская инициатива «Один пояс, один путь» не является статичной, а в ее официальных документах нет точного перечня проектов, осуществляемых в рамках данной инициативы. Утвержден список только основных мегапроектов, при этом и к их реализации применяется гибкий подход.

Сравнительный логистический анализ поставок по отдельным видам продукции в рамках направления КНР-Беларусь-Европа

Наибольшую вовлеченность в промышленное производство демонстрирует регион Шаньдун (бумага, химическая и текстильная промышленность). В секторе продукции животноводства основными производственными провинциями являются Шаньдун, Сычуань, Хэнань. Грузовую базу Китая в секторе продукции растениеводства формируют провинции Шаньдун, Хэнань, Сычуань, Хубэй. В провинции Хубэй, Сычуань, Шаньдун, Хэнань расположены производственные мощности сектора чая и фруктов.

В табл. 4 приведены примерные расстояния доставки фруктов из провинций Сычуань, Хубэй, Шэньси в Западную Европу по железной дороге.

В регионе Сычуань за 2022 г. было экспортировано 5,4 млн т корнеплодов и 2,9 млн т рапса, что составило соответственно 19,2% от общего объема экспорта корнеплодов Китая и 21,7% от общего объема экспорта рапса КНР. В регионе Хубэй было экспортировано в Европу 4,7 млн т цитрусовых (12,2% от общего объема цитрусовых Китая за 2022 г.). В регионе Шэньси экспортировано 10,9 млн т яблок, или 26,4% общего объема экспорта яблок КНР за 2022 г.²

Протяженность базового железнодорожного маршрута Москва-Владивосток для расчета стоимости перевозки составляет 9288 км.

² Торговля Китайской Народной Республики за 2022 г. URL: <http://images.mofcom.gov.cn/tjxh/202305/20230515153444236.pdf>.

Стоимость транспортировки 1 кг равняется 18 росс. руб. Полезная нагрузка 40-футового контейнера составляет около 25000 кг. Исходя из этого расходы на доставку контейнера по базовому маршруту составят $18 \times 25000 = 450000$ росс. руб., что по курсу Центрального банка Российской Федерации приблизительно равно 5500 долл. США. Средний тариф за 1 км для 40-футового контейнера – $5500 / 9288 = 0,59$ долл. США.

Расчет расходов на доставку экспортных грузов по выбранным видам продукции (корнеплоды, рапс, яблоки, цитрусовые) представлен в табл. 5.

Расчетные данные о логистических издержках в общей стоимости экспортируемых ресурсов (D лог) при транспортировке по железной дороге приведены в табл. 6. Согласно этим данным, доля расходов на транспортировку в экспортном направлении по выбранной продукции превышает среднее значение в Китае.

Таблица 4

Примерные расстояния доставки фруктов из исследуемых регионов в Западную Европу по железной дороге

Отправление	Прибытие	Расстояние, км
Сычуань	Гамбург (Германия)	7548
	Лодзь (Польша)	7028
	Нюрнберг (Германия)	7669
	Тилбург (Нидерланды)	7956
	Будапешт (Венгрия)	7198
	Люксембург	7976
Хубэй	Гамбург (Германия)	8182
	Дуйсбург (Германия)	8489
Шэньси	Гамбург (Германия)	7545
	Дуйсбург (Германия),	7850
	Гент (Бельгия)	8052
	Будапешт (Венгрия)	7270
	Филлах (Австрия)	7666

Таблица 5

Расчет расходов на доставку экспортных грузов по выбранным видам продукции

Маршрут	Объем грузов, млн т	Количество контейнеров	Годовые расходы на перевозку, млн долл. США
Сычуань – Гамбург (Германия)	8,3	330484	1471,8
Хубэй – Дуйсбург (Германия)	4,7	437184	1946,9
Шэньси – Будапешт (Венгрия)	10,9	186416	830,2
Итого	23,9	954084	4248,9

Таблица 6

Определение доли логистических издержек при транспортировке по железной дороге из регионов Китая в общей стоимости экспортируемых ресурсов (D лог)

Вид продукции	Объем, млн т	Цена за 1 т, долл. США	D лог, %	Доля логистических затрат в среднем, %
Корнеплоды	5,4	4500	76,4	>>20
Рапс	2,9	34752	29,6	>20
Яблоки	10,9	55000	20,98	=20
Цитрусовые	4,7	24000	37,8	>20

Однако при импорте в Китай высокотехнологической продукции итоговая доля логистических издержек будет сокращаться.

С учетом изложенного логичным представляется следующий вывод: приоритетным грузом для транспортировки в исследуемые регионы Китайской Народной Республики из Беларуси является продукция с высокой добавленной стоимостью. Это необходимо для того, чтобы контейнерные поезда из Европы в Китай не были порожними, а также для сокращения доли расходов на транспортировку в логистическом цикле по маршрутам в рамках инициативы «Один пояс, один путь» и для снижения экспортно-импортных рисков. Таким образом, основной задачей для промышленного сектора Республики Беларусь является поиск новых решений по уходу от экспорта в Китайскую Народную Республику продукции сырьевого назначения и построения потока высокотехнологичных товаров.

Основными статьями белорусского экспорта товаров в КНР сегодня являются калийные удобрения, говядина замороженная, лесоматериалы продольно распиленные, мясо и пище-

вые субпродукты домашней птицы, молоко и сливки сгущенные и сухие, целлюлоза древесная, молочная сыворотка, сахар.

Рассмотрим логистические расходы на доставку сырьевых ресурсов из Беларуси в Китай, а затем сравним их с расходами на доставку в КНР продукции с более высокой добавленной стоимостью по железной дороге.

Данные о расходах на доставку из Республики Беларусь в регион Шаньдун древесного сырья для производства бумаги с учетом специфики производства приведены в табл. 7.

Структура расходов на доставку из Беларуси в Шаньдун древесного сырья представлена на рис. 2.

Себестоимость одного метра кубического технологического древесного сырья в Республике Беларусь составляет 30 долл. США, вместимость 40-футового контейнера для железнодорожных перевозок – 67,5 м³. Доля логистических издержек для перевозки древесного сырья по железной дороге находится на уровне:

$$3903 / (2100 + 3903) = 65,02\%$$

Таким образом, логистические издержки доставки древесного сырья в направлении Бе-

Таблица 7

Логистические расходы на доставку из Беларуси в регион Шаньдун древесного сырья

Страна	Республика Беларусь (пункт отправления г. Барановичи)	Российская Федерация	Республика Казахстан (транзит)	Китайская Народная Республика	Суммарное значение
Расстояние, км	379,88	2214,24	2003,02	3428,11	8025,25
Тариф	758,87 бел. руб.	23,95 росс. руб. за 1 км Транзитный тариф – 630 росс. руб. за 1 т груза	3200 росс. руб. за 1 т груза	0,59 долл. США за 1 км	
Сумма, долл. США	258	647	976	2023	3903

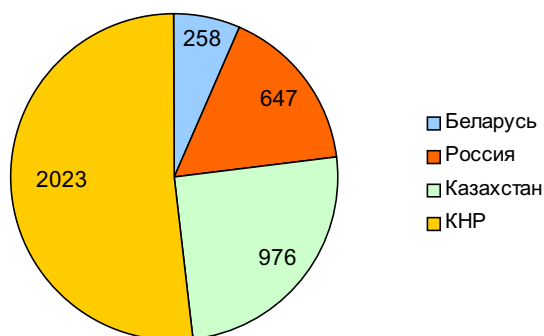

Рис. 2. Региональные расходы на доставку из Беларуси в регион Шаньдун древесного сырья, долл. США

ларусь-Китай (регион Шаньдун) достаточно высоки, что делает данную перевозку нерентабельной.

Рассмотрим далее логистические расходы на перевозку из Беларуси в Китай по железной дороге 200-миллиметровых пластин интегральных микросхем как продукцию с более высокой добавленной стоимостью. Следует отметить, что Китай является самым крупным импортером интегральных схем в мире, поскольку они необходимы для развития китайской промышленности и информационных технологий. Так, импорт Китая по электронным интегральным схемам за 2022 г. составил 416 млрд долл. США, или 15,3% от всего импорта КНР³. Китайская Народная Республика считается крупнейшим мировым покупателем полупроводников, но большая часть ввезенного товара в итоге не потребляется внутри страны. Интегральные микросхемы используются для производства продукции, которая затем экспортируется из Китая. Их встраивают в такие конечные продукты, как смартфоны, персональные компьютеры и телекоммуникационное оборудование. Китаю не хватает собственных запасов кремния, необходимого для производства интегральных схем. Поэтому импорт пластин монокристаллического кремния для Китая из Беларуси представляется перспективным направле-

нием для контейнерных перевозок по железной дороге, особенно с учетом того, что Республика Беларусь обладает значительными запасами кремния в Брестской области.

По данным филиала «Камертон» ОАО «ИНТЕГРАЛ», 200-миллиметровые кремниевые пластины поставляются в Китай в упаковке по 25 штук. Габаритные размеры составляют 225 x 225 x 225, занимаемый объем при транспортировке – 0,0121 м³. Поскольку объем стандартного 40-футового контейнера составляет 67,5 м³, получается 5578 упаковок ($K_{\text{упак}} = 67,5 / 0,0121 = 5578$).

Стоимость одной упаковки 200-миллиметровой кремниевой пластины производства филиала «Камертон» ОАО «ИНТЕГРАЛ» для Китайской Народной Республики составляет 1713,6 долл. США. Общая стоимость поставляемой продукции в 40-футовом контейнере составит:

$$5578 \times 1713,6 = 9,56 \text{ млн долл. США.}$$

Доля логистических издержек на доставку кремниевых пластин из Республики Беларусь в Китай составит:

$$7806 / (7806 + 9558460,8) = 0,0816\%.$$

Таким образом, логистические издержки при транспортировке высокотехнологичной продукции находятся на низком уровне (это почти уровень погрешности) и делают данное направление перевозок кремниевых пластин очень пер-

³ Торговля Китайской Народной Республики за 2022 г. URL: <http://images.mofcom.gov.cn/tjxh/202305/20230515153444236.pdf>.

пективным с точки зрения покрытия расходов на логистический цикл КНР-РБ-КНР.

Решающее значение для развития экспорта транспортных услуг оказывает контейнеризация транзитных потоков в направлении КНР – Европа – КНР. Ее рост определяется эффективным использованием единых управляющих центров, технической оснащенностью терминалов и информационных технологий.

Учитывая рост контейнеризации на направлении Китай – Европа и проблему возврата из стран ЕС порожних контейнеров в Китайскую Народную Республику, целесообразно сформировать в Беларуси несколько транспортно-логистических хабов по консолидации пустых контейнеров на станциях Белорусской железной дороги.

Модернизация транспортно-логистической инфраструктуры является необходимым условием для развития грузоперевозок между Китаем и Республикой Беларусь. Следует иметь в виду не только устранение «узких» мест в пунктах пропуска через границы стран, использование сопутствующей терминально-логистической инфраструктуры и таможенных коридоров, ускорение процессов смены ширины колеи на пограничных пунктах, но и развитие пропускной и провозной способности железнодорожной инфраструктуры Китая и Беларуси, а также создание дистрибуционных транспортно-логистических центров в узловых пунктах транспортных систем (Ващило, Чжу, 2023. С.142).

Развитие транспортно-логистических услуг будет способствовать не только росту сферы ус-

луг национальных экономик, но и всей экономики, поскольку предполагает взаимодействие между различными видами экономической деятельности. Роль международных транспортных коридоров значима не только с позиций коммерческой выгоды, но и с точки зрения национальной безопасности в экономической, промышленной, продовольственной, демографической и социальной сферах функционирования государств, а приоритетными экспортными товарами для транспортировки по железной дороге в регионы Китайской Народной Республики, как показало наше исследование, является высокотехнологичная продукция с более высокой добавленной стоимостью.

ЛИТЕРАТУРА

Булко О.С. и др. 2022. *Транспортно-логистический потенциал Беларуси в рамках инициативы «Пояс и путь»: риски и перспективы реализации*. Минск: Беларуская навука. 317 с.

Ващило А.А., Чжу Чжифан. 2023. *Направление развития белорусско-китайской логистики. Приоритетные направления исследования современного Китая и актуальные задачи формирования белорусской школы китаеведения*. Сборник статей участников VI Республиканской школы молодого китаеведа. Минск, 17 февраля 2023 г. Под ред. проф. А.А. Тозика. Минск: Издательский центр БГУ. С.140–147.

Ивуть Р.Б., Зиневич А.С. 2022. *Экономические основы развития логистики международных автомобильных перевозок грузов в Республике Беларусь в условиях пандемии коронавируса*. *Наука и техника*. Т. 21. № 3. С. 242–249.

Статья поступила 21.07.2023 г.

Некипелов А.Д.

Экономическая политика России в современных условиях

В условиях санкционных ограничений действующей экономической модели особое значение для каждой страны приобретает формирование долгосрочного видения ее развития. При этом принципиально важно определиться по двум вопросам: значение внутренних и внешних факторов развития и роли, которую должно играть государство в экономике. Для перехода к реализации стратегии устойчивого развития и модернизации предлагается внесение комплекса взаимосвязанных изменений в финансовую и денежно-кредитную политику, с одной стороны, и промышленную политику – с другой. При этом автор выступает за возврат к классическому разделению функций между денежной и финансовой властью, а в сфере монетарной политики – за переход к использованию экономических инструментов, ограничивающих трансграничное перемещение спекулятивного капитала.

Подчеркивается важность реализации структурных реформ, в первую очередь касающихся экономического поведения государства.

Жук И.Н.

Особенности формирования и распределения средств бюджета Союзного государства

В статье рассматриваются основные источники доходов бюджета Союзного государства Республики Беларусь и Российской Федерации (ежегодные согласованные отчисления государств-участников и неналоговые поступления); анализируется распределение средств бюджета по основным сферам деятельности в соответствии с утвержденным перечнем программ, проектов и мероприятий, принятых к финансированию, и по ведомствам за период 2017–2023 гг. Выявлены особенности распределения бюджетных ресурсов, определены проблемы в данной сфере, предлагаются возможные пути их разрешения.

Козловская М.В.

Особенности структурной трансформации экономики Республики Беларусь

Анализируются детерминирующие факторы структурной трансформации экономики Беларуси, на основе которых определены индикаторы структурных преобразований. Изучение динамики индикаторов за 2012–2021 гг. позволило выделить особенности структурной трансформации экономики страны. Для определения скорости и качества структурных преобразований рассчитаны специальные показатели. Результаты исследования представлены в виде сводной таблицы и выводов, подтверждающих наличие трансформационных процессов в экономике Республики Беларусь.

Шаграй П.С.

Принципы развития деловых услуг в Республике Беларусь

Развитие сектора деловых услуг является одним из наиболее перспективных направлений эволюции экономической системы современного государства. Первоочередным и необходимым для достижения плодотворных результатов на этом направлении вопросом представляется выработка теоретической основы функционирования сектора. Статья посвящена разработке системы принципов развития сферы деловых услуг, которые позволят выработать единый подход и понимание процесса управления экономикой, создать конкурентный, отвечающий современным вызовам комплекс бизнес-услуг. На основании научных публикаций современных исследователей и авторских разработок в статье выделены главные принципы развития сектора деловых услуг, определяющих важнейшие характеристики бизнес-услуг.

Ваццло А.А., Туровец А.М.

Региональный аспект развития транспортно-логистических услуг КНР – Беларусь – Европа

Характеризуется региональный аспект развития транспортно-логистических услуг КНР – Беларусь – Европа. Проанализированы китайские провинции в рамках реализации инфраструктурной инициативы «Один пояс, один путь». Проведен сравнительный логистический анализ поставок по отдельным видам продукции в рамках исследуемого направления.

A. Nekipelov

Russian economic policy in modern conditions

Under the sanctions restrictions conditions a long-term vision of the current economic model development has a particular importance for each country. At the same time, it is fundamentally important to decide on two issues: the importance of internal and external development factors and the role that the state should play in the economy. For transition to the implementation of a sustainable development and modernization strategy, it is proposed to introduce a set of interrelated changes to financial and monetary policy on the one hand, and industrial policy, on the other. At the same time, the author advocates a return to the classical functions division between monetary and financial authorities, and in the field of monetary policy – for the transition to economic instruments application that limit the cross-border movement of speculative capital.

The importance of implementing structural reforms, primarily related to the economic behavior of the state, is emphasized in the article.

I. Zhuk

Features of Union State budgeting and distribution of budget funds

The article examines the main sources of budget revenues for the Union State of Belarus and Russia (annual agreed contributions of the participating states and non-tax revenues); analyzes the distribution of budget funds by main areas of activity in accordance with the approved list of programs, projects and activities accepted for financing, and by departments for the period 2017–2023. Features of budget resources distribution are identified, also problems in this area are identified, and possible ways to resolve them are proposed.

M. Kazlouskaya

Structural economy transformation features in the Republic of Belarus Особенности

The determining factors of the Belarusian economy structural transformation are analyzed, on the basis of which indicators of structural transformations are determined. Studying the indicators dynamics for 2012–2021 made it possible to highlight the features of the country's economy structural transformation. Special indicators have been calculated to determine the speed and quality of structural transformations. The results of the study are presented in the form of a summary table and conclusions confirming the transformation processes in the economy of the Republic of Belarus.

P. Shahrui

Principles for business services development in the Republic of Belarus

The business services sector development is one of the most promising in the evolution of a modern state economic system. The primary and necessary issue for achieving fruitful results in this direction is the development of a theoretical basis for the functioning of the sector. The article is devoted to a system of principles for the development of the business services sector, which will allow us to develop a unified approach and understanding of the economic management process, to create a competitive complex that meets business services modern challenges. Based on the modern researchers scientific publications and the author's work, the article highlights the main development principles of the business services sector, which determine the most important business services characteristics.

H. Vashchyla, A. Turavets

Regional aspect of transport and logistics services development China – Belarus – Europe

The regional aspect of the transport and logistics services development of the China – Belarus – Europe is characterized. Chinese provinces are analyzed as part of the implementation of the One Belt, One Road infrastructure initiative. A comparative logistics analysis of supplies for individual types of products within the research area was carried out.

**Экономический бюллетень Научно-исследовательского экономического
института Министерства экономики Республики Беларусь
№ 9, 2023**

Свидетельство о регистрации периодического издания № 1231.

Ответственные за выпуск – Я.М. Александрович, Н.В. Радченко

Над выпуском работали:

А.М. Стронгина – *редактирование и корректура,*

Е.Э. Дробышевская – *верстка*

Подписано в печать 20. 09. 2023 г. Формат 60x84 ¹/₈. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.печ.л. 6,04. Уч.-изд.л. 4,95. Тираж 73 экз. Заказ № 371.

Издатель и полиграфическое исполнение

ГНУ «Научно-исследовательский экономический институт
Министерства экономики Республики Беларусь»:

ЛП № 02330/256 от 27 марта 2014 г.

220086, г. Минск, ул. Славинского, 1, корп. 1.

Тел./факс (017) 271-02-78

gnu-niei@niei.by